

Санкт-Петербургский государственный университет

РУССЕ Тьерри Жак Реми

Выпускная квалификационная работа

**Тема бунта в русском и французском историческом приключенческом
романе XIX века**

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ.5812. «Литература России и
Франции: перекрестный взгляд / Littératures russe et française: regards croisés»

Научный руководитель:

доцент, Кафедра истории
зарубежных литератур
Васильева Екатерина
Николаевна

Рецензент:

профессор,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская
академия художеств
имени Ильи Репина»
Акимова Наталья Николаевна

Санкт-Петербург
2022

Оглавление

Благодарности.....	2
Оглавление.....	3
Введение.....	4
Часть 1 — Исторический роман В. Скотта и его влияние на Пушкина и Дюма.....	7
1.1. Исторический роман В. Скотта	
1.2 Влияние Скотта на Пушкина и Дюма.....	12
1.2.1. Влияние на Пушкина.....	12
1.2.1.1 Использование скоттовских приемов.....	14
1.2.1.2 От записок историка до сочинения романиста.....	18
1.2.1.3 О персонаже Савельича.....	25
1.2.2 Влияние на Дюма.....	26
Часть 2 — Бунт в «Капитанской дочке».....	29
2.1. О причинах бунта	34
2.2. Особенные персонажи «Капитанской дочки».....	34
2.2.1. Гринев.....	34
2.2.1.1. Генезис персонажа	
2.2.1.2. Связанный с Гриневым персонаж — Швабрин	
2.2.1.3 Капитанская дочка — героиня одноимённого романа.....	52
2.2.2. Пугачев	
Часть 3 — Бунт в «Учителе Фертования».....	58
3.1 О персонажах романа	
3.1.1 Ключевой роман	
3.1.2. Храбрая героиня в смутном времени восстания Декабристов	
3.2 Проект Декабристов.....	69
3.2.1. Генеральное представление проекта Декабристов	
3.2.2 Представление проекта через взгляд Ванинкова и Гризье	
3.3. Рассказ о восстании декабристов у Дюма	
Вывод.....	78
Библиография	83
Приложение : Сравнение использования такого же приема тремя авторами.....	86
Содержание	

Введение

«Капитанская дочка» — одно из самых известных произведений Пушкина которое является одновременно последним романом автора и первым русским историческим романом. Обычно говорят, что творчество было опубликовано первый раз 11го ноября 1836 г. в четвертой книжке издававшегося поэтом и романистом журнала «Современник»¹, то есть месяца два-три до его трагической гибели 29го января 1837 г. Из-за того, что действие «Капитанской дочки» происходит во время восстания Емельяна Пугачёва, работа Пушкина была очень внимательно наблюдаема цензурой так практически до 1838 года никаких печатных отзывов на повесть не последовало за исключением замечаний Гоголя и Тургенева.

Примерно в то же время, в 1840 году, во Франции был опубликован по частям в прессе малоизвестный первый исторический роман Александра Дюма «Учитель фехтования», одна из самых важных черт которого та, что действие тоже происходит в России в смутных времен. Можно еще заметить, что цензура тоже интересовалась этим романом и, что он ей так не понравился, что она его запретила в России до 1925 года. Запрет цензуры «Учителя фехтования» в России сделал этот роман очень популярным в России или более известным, чем во Франции. Как ни парадоксально, цензура оказалась лучшей рекламой для книги. Эта цензура тем более странная, что восстание декабристов не представлено в лестном свете Александром Дюма, который, напротив, рисует лестный портрет Николая I. Но это правда, что слова царя Павла I или великого

¹ Эта датировка — та, что дает Мишель Окутире в предисловии к французскому издательству «Капитанской дочки» (с. 215) и правда, что ее обычно дают. Но надо подчеркнуть, что точная дата выхода романа нам на самом деле не известна, как объясно в статье «Литературных помятников» о КД : «Время выхода в свет четвертой книжки «Современника» за 1836 г., в которой опубликована была «Капитанская дочка», точно не установлено. На это литературное событие не откликнулся ни один журнал, ни одна из петербургских и московских газет. Даже «Северная пчела», регулярно отмечавшая в своей хронике или в объявлениях книгопродавцев поступление в продажу очередных номеров всех литературных журналов, обошла молчанием появление «Капитанской дочки». В переписке Пушкина сохранилось два упоминания о четвертой книжке «Современника», но оба эти свидетельства не имеют дат. Неудивительно, что и библиографический справочник Н. Синявского и М. Цявловского «Пушкин в печати», определяя время выхода в свет последней книжки «Современника», ограничился условной датировкой: «Во второй половине ноября — в декабре». Эта справка основывалась на дате цензурного разрешения четвертого тома, подписанного к печати 11 ноября 1836 г. Вероятно, на этой же дате основано было полвека спустя и глухое упоминание П. И. Бартенева о том, что последняя книжка «Современника» появилась «в исходе ноября». «Капитанская дочка» в критике и литературоведении // Пушкин А. С. Капитанская дочка. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. — С. 233—280.

князя Константина, которых на практике изображают опасными сумасшедшими, как будет указано ниже, очень негативны.

В обоих сочинении, героя взяты историческими событиями которые влияют на их личные судьбы. Обе произведения связаны с рождением нового литературного жанра созданного Вальтером Скоттом — исторического романа. Поэтому, сразу возникает идея их сравнить.

«Капитанская дочка» — один из наиболее совершенных созданий Пушкина поэтому, конечно, как таковым, он был предметом широкого исследовательского внимание и о нем много основных трудов были опубликованы.

По сравнению с этим, исследование об «Учителе Фехтования» наоборот совсем маленькое — хотя, конечно, очень много труд были опубликованы о Дюма и его творчестве.

Среди всех работ о «Капитанской дочке», самыми важными по мнению известного литературоведа, культуролога и семиотика преподававшего в СПбГУ Ю. Лотмана²³ являются труды Ю. Г. Оксмана⁴ и Г.А. Гуковского⁵, а можно еще цитировать работы Б. В. Томашевского, В. Б. Шкловского и других⁶.

Так анализи романа уже проводили много крупнейших исследователей. Однако, «это (...) не означает, что проблематика «Капитанской дочки» выяснена исчерпывающе⁷» пишет Ю. Лотман. «Более того, многие кардинальные вопросы позиции Пушкина в «Капитанской дочке» все еще продолжают

² Ю. М. Лотман Идеиная структура "капитанской дочки" (Лотман Ю. М. Пушкин. - СПб., 1995. - С. 212-227)

³ Академик АН Эстонской ССР (1990). Лауреат Литературной премии Эстонской ССР имени Юхана Смуула (1987). В 1993 году Юрий Лотман стал лауреатом академической премии им. А. С. Пушкина с формулировкой: за работы: «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя» и «Роман А. С. Пушкина „Евгений Онегин“. Комментарий»

⁴ Ю. М. Лотман в той же статье дает следующий список работ Ю. Г. Оксмана, посвященных «Капитанской дочке»: « [Они] публиковались между 1934 и 1955 гг. В дальнейшем они вошли в книгу «От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева» (Саратов, 1959). Здесь же (С. 101—102, 105, 110—111 и 131) обзор литературы вопроса. Литература о «Капитанской дочке», появившаяся после первой публикации настоящей статьи указана в кн.: Гиллельсон М.И., Мушина И.Б. Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: Комментарий: Пособие для учителя. Л., 1977. С. 186—191. » После того как он дал этот список, еще пишет : «Здесь особенно следует выделить работы Г.П. Макогоненко, Н.Н. Петруниной, Л.С. Сидякова и И.М. Тойбина. » *Ibid.*

⁵ Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. *Ibid.*

⁶ *Ibid.*

⁷

оставаться дискуссионными. Таково, например, истолкование знаменитых слов о "русском бунте"⁸».

Очень интересно сравнивать эти два романа потому, что, хотя у них есть много общих черт, по многим аспектам они противостоят друг другу. Так, в «Капитанской дочке», ничего лишнего. Несмотря на то, что у Пушкина были огромные материалы, он выбрал только самое важное для романа. Из всей информацией которые он собрал, он не создал роман но создал чистую историческую работу «История Пугачева». В романе он сохранил только основное. Кроме того, он обратил большое внимание на реалистический аспект сочинения, Так получилось последний совершенный шедевр опытного романиста.

С этой точки зрения, хотя «Учитель фехтования» хороший роман, по сравнению с «Капитанской дочкой» можно заметить несколько слабостей. Так, в отличие от краткости и от прямого характера повести «Капитанской дочки», в «Учитель фехтования», длинные пассажи не прямо связанные с историей героев романа по мнению Элизабет Клости Божур⁹. По мнению Элизабет Кости Бонжур, эти части более похожи на записки путешествия чем на роман.

Теренс Парсонс — американский философ специализирующийся на философии языка и метафизике и работающий над семантикой естественного языка для разработки теорий истины и значения для естественного языка аналогичны тем, которые были разработаны для искусственных языков философскими логиками. На него повлияла онтология Мейнонга и его труд составит в рамках философических трудов о возможном мире. Он преподает в калифорнийском университете в Лос-Анджелесе.

Среди вопросов которые он задает себе, одним из самых главных является вопрос существования литературных объектов а можно сразу почеркнуть, что его ответ на этот вопрос необычный. Так, он защищает

⁸

⁹ Elizabeth Klosty Beaujour, « Dumas's Decembrists: Le Maître d'armes and the Memoirs of Pauline Annenkova », The Russian Review, Jan. 2000, Vol. 59, No. 1 (Jan. 2000), p 39.

позицию реальности несуществующих объектов, то есть, например, реальности такого известного персонажа как Херлока Холмса. В 1980 году он написал свою главную работу «Несуществующие объекты¹⁰», в которой рассматривалась теория возможного мира в рамках которой он представляет демонстрацию своей позиции.

В этой контексте, он предлагал интересную типологию объектов (персонажей, мет...) романа, которые он различает в трех категорий: *местные объекты*, *мигранты* и *субституты* (заменители).

Что такое местные объекты? Даже если ни Теренс Парсонс ни Томас Павел не объясняют это понятие таким образом, нам кажется, что самый простой и эффективный способ их определить — использовать сравнение. Так, именно как местные люди живут в определенной стране, где они родились, местные объекты одного романа «живут» в этом же романе где они «родились» из мысл автора. Так понятие местных объектов относятся к объектам романа которые были разработаны автором именно для этого романа для того, чтобы они «жили» в этом вымышленном мире.

Очевидно, что вопрос существования этих объектов задается. Когда используются такие слова как «жить», «находиться» или «мир», возникает онтологический вопрос.

Продолжая наше сравнение с людьми, можно определить вторую категорию объектов, то есть иммигрантов или просто мигрантов следующий образом: Мигранты — объекты которые автор положил или использовал в романе не вообразив их, а взяв их в другое место, то есть либо в природном мире где мы все живем, либо в мире другого романа или искусственного творчества. Конкретно, мигрантным объектам являются литературные персонажи или вообще персонажи других художественных работ, настоящие места, как город, озер, крепость и т. д. перенесены автором в своего роман.

Разница между категорией мигрантных объектов и третьей и последней категорией Парсонса — категория субститутов, не очевидна. Так, субститутами

¹⁰ Теренс ПАРСОНС, *Несуществующие объекты*, издательство Йельского университета, 1980.
PARSONS Terence, *Nonexistent Objects*, New Haven and London: Yale University Press, 1980. Pp. 258.

являются чужие роману объекты использованы автором в своего романа, то, что абсолютно напоминает мигрантные, но которые автор разрешается модифицировать в широком степени. Теоретик литературы, специалист по французской литературе, критик и писатель преподающий в Чикагском университете Томас Павел, представляя работу Парсонса и его категории в книге «Вымышленные миры»¹¹, проводил несколько интересных примеров субститутов¹², не скрывая проблемы связаны с трудностью отличать эту третью категорию от второй. Например, Томас Павел задает вопрос о статусе Париж в романах Бальзака: мигрантом или субститутом является французская столица в работе реалистического романиста? По его мнению, ответ зависит от нашей концепции реализма и мимесиса. Если мы считаем его представление Парижа верным реальностью, так можно сказать что город отправился в его романах в цельности, иными словами, что он мигрант. Если нет, то он является субститутом. Среди примеров проведены Павлом, еще интересный тот о известном персонаже Александра Дюма Ришелье:

Разница между мигрантами и субститутами зависит от верности их образов: в отличие от мигрантов которые отправляются в роман со всеми своими историческими известными настоящими характеристиками простыми масками или куколями манипулированными автором, который свободно интерпретирует их действия и воображает их чувства, являются субституты¹³.

С этим вопросом нам будет надо бороться когда мы изучим персонажей Пугачева, Екатерину Вторую, Гризера, Принц Константина, Цар Александра и других.

¹¹ Томас ПАВЕЛ, «Вымышленные миры», Гарвард, 1986, издательство Гарвардского университета (французский перевод, « Univers de la fiction», Париж, 1988, изд. Du Seuil, coll. Poétique, 211 p.).

¹² *Ibid*, с. 41-42 французского издательства (PAVEL Thomas, Univers de la fiction, Éditions du Seuil pour la traduction française, Paris, 1988).

¹³ см. так же *Ibid*, с. 41-42 французского издательства (PAVEL Thomas, Univers de la fiction, Éditions du Seuil pour la traduction française, Paris, 1988).

Часть 1

Исторический роман В. Скотта и его влияние на Пушкина и Дюма

В России, исторический роман возникнул и развился в 30-е годы XIX-го века. Во всей Европе, его возникновение было связано с концом феодального порядка и с началом капитализма, вместе с рождением национального самознания народов и развитием их интереса к своей истории. Как в Европе революции играли важную роль в возникновении исторического романа, попытка революции декабристов играла роль в его возникновении в России¹⁴. Так после этих событий родились два типа истории в России: официальная история, связана с реакцией и правительством, роль которой была легитимизировать самодержавие и более либеральная история, ближе к европейскому исследованию, интерес которой была совсем другой и к которой относится именно исторический роман и самым известным представителем которой явился конечно Пушкин¹⁵.

Отец русского исторического романа — Пушкин. Так его последний роман «Капитанская дочка» еще является первым русским представителем этого жанра. Хотя жанр везде находился под сильным влиянием своего создателя Вальтера Скотта, можно найти у русского исторического романа естественные особые родные корни. Среди его «прадедов», можно назвать Карамзина хотя его повести носят дидактический характер и их нельзя назвать историческими

¹⁴ « В русской литературе крепостной эпохи исторический роман складывается как отражение борьбы вокруг дела декабристов, как проявление подъема национально-исторического самосознания русского народа, вызванного событиями 1812—1825 годов, развития общественного интереса к отечественному историческому прошлому, к проблемам своеобразия народного характера, национальной культуры. »
С. М. Петров, Исторический роман, in «История русского романа в двух томах», Том 1, Глава IV, Редакционная коллегия : А.С. Бушмин, Б.П. Городецкий, Н.И. Пруцков, Г.М. Фридендер, Редактор тома Г.М. Фридендер, Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом), Издательство Академии наук СССР, Москва — Ленинград 1962, с. 203

¹⁵ «После славного и необходимого, но тяжелого и горького опыта 14 декабря 1825 года интерес к вопросам истории, исторического развития России возрастает и обостряется. Пушкин, Н. Полевой, Чаадаев и другие обращаются к проблемам русской и всемирной истории, к философии истории. Правящая реакция, учитывая роль умственного движения в подготовке 14 декабря, со своей стороны выдвигает историческую теорию, стремящуюся оправдать самодержавно-крепостнический строй в России. » *Ibid.* с. 205

романами.

1.1. Исторический роман В. Скотта

Прежде всего, надо подчеркнуть, что в 30-е годы XIX-го века, романы Скотта уже были известными по всем миру¹⁶ и, что у «английского чародея» уже была огромная мировая слава. Его популярность даже можно рассчитывать цифрами. Так, например, до 1830 года, во Франции уже были проданы более 150 000 экземпляров его романов¹⁷. В начале шестого письма находящегося в его манифесте искусства «Расин и Шекспир», Стендаль напоминает собеседнику о том, как Джеймс Баллантайн — британский редактор и издатель, друг и соратник Вальтер Скотта, стал миллионером благодаря творчеству писателя¹⁸. Так успех Скотта явился не только литературным а еще финансовым. Об этом виде исторического романа может быть редко говорить, но это еще важный вид. Во первых потому, что без помощи структур как издательств или театров искусство не может развиваться, а еще во вторых потому, что это еще доказывает связи между капитализмом и развитием исторического романа о том мы только что поговорил.

Конечно, главный вид скоттовского успеха — литературный успех. Литературное влияние Скотта на всех писателей его поколения и других поколений оказалось огромное, и мы об этом поговорим дальше деталями но надо еще уточнить, что его влияние еще распространялось к исторической науке.

Самый известный пример скоттовского влияния на историков наверное заявления знаменитого французского историка Огюстена Тьерри о том, как именно романы Скотта дали его желание стать историком и как скоттовская историческая метода ему казалась отличной. Так он еще назвал Скотта

¹⁶ *Ibid.* c. 206.

¹⁷ M. Crouzet, préface à W. Scott, *Waverley, Rob-Roy, La Fiancée de Lammermoor*, Paris, R. Laffont, coll. « Bouquins », 1981, p. 8.

¹⁸ « Un homme à argent d'un de ces théâtres, auquel je parlais du *romantisme* et de son triomphe futur, me dit de lui-même : « Je comprends votre idée, on s'est moqué à Paris, pendant vingt ans, du *roman historique* ; l'Académie a prouvé doctement le ridicule de ce genre, nous y croyions tous, lorsque Walter Scott a paru, son *Waverley* à la main ; et Balantyne, son libraire, vient de mourir millionnaire. » STENDHAL, *Racine et Shakespeare*, édition de B. Leuillot, Paris Éditions Kimé, 1994, p. 85.

«величайшим мастером исторической догадки всех времен¹⁹». Его концепция исторической науки как история народа а не только история их великих лидеров наверное связана с его восхищением к В. Скотту.

Стендаль, хотя он сам не историком был, тоже считал, что самый лучший историк — романист, а именно, Вальтер Скотт. Он так писал что, по его мнению, в будущем, учат историю с помощью творчества Шекспира и Скотта²⁰ и думал что «Огюстен Тьерри — половина Скотта²¹».

Среди важнейших черт скоттовского романа, внимание «величайшего мастера исторической догадки всех времен» к всем деталям бытовой жизни того времени является одним из самих значительных. До него, никто этого не сделал и таким образом, он успел рассказывать повесть прошедшего времени как будь-то он сам прожил в того времени. Иными словами, его романы оказались очень реалистичными по всему, что касается быт людей того времени, включая быт маленьких бедных людей как и быт дворянин или королей²². Сам Пушкин на этом обратил внимание современников, подчеркивая важность домашних образов для вероятности исторической повести²³. Еще важнее, В. Скотт смог устроить сильные связи между жизнью и бытом его

¹⁹

²⁰ « En 1890, l'on enseignera l'histoire dans les collèges avec les pièces historiques de Shakespeare, les romans de Scott et ceux des cent ou deux cents moutons qui vont l'imiter. M. Thierry est un demi-Scott. » *in* Lettre à Mareste du 22 décembre 1820.

²¹ Cf. *supra*, 7.

²² « В своих романах, что было огромным шагом вперед в развитии мировой литературы, Вальтер Скотт стремился выявить национальное своеобразие исторической жизни народа. Обращаясь к большим общественным кризисам в истории страны, писатель всегда стремился охватить своим: творческим воображением всю нацию, как верхи, так и низы английского общества данной эпохи. Он прослеживает отражение значительных исторических событий в народной жизни, их воздействие на судьбы отдельных людей. В своих романах Вальтер Скотт сумел ярко отобразить политические битвы эпохи феодализма, национальные и общественные различия в разные периоды английской и шотландской истории. »

С. М. Петров, Исторический роман, *in* «История русского романа в двух томах», Том 1, Глава IV, Издательство Академии наук СССР, Москва — Ленинград 1962, с. 206.

²³ «Известен интерес Пушкина к историческому документу, к мемуарам, так же как и его позиция в дискуссии 30-х годов по поводу исторической прозы. Межд у прочим, обсужда я достоинства и слабые стороны европейского и отечественного романа, Пушкин и говорит о необходимости исторической достоверности, которая подразумевает и историческую стилизацию. Он замечает, что главная прелесть романов Вальтер Скотта в том, что мы знакомимся с прошедшим временем совершенно домашним образом. В рецензии же на роман Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» Пушкин сетует на то, что авторы русских исторических романов «в век, в который хотят они перенести читателя, перебираются они сами с тяжелым запасом домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений» (т. 11 , с. 92). Исторический анекдот, живо й документ времени для Пушкин а всегда обладали необычайной важностью в создании атмосферы эпохи, в постижении ее сути.»

И. В. Лукьянец. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и традиция французского мемуарного романа XVII—XVIII веков

персонажей с великими политическими изменениями того времени.

У исторического романа В. Скотта еще есть важная национальная часть. То есть, Скотт не просто описывает людей того или иного страны в том или ином времени но умеет составить читателя понять особенности этих людей, особенности их характера, как например шотланского характера. И здесь надо цитировать сам В. Скотта. Так, хорошо известно что В. Скотт влиял на очень многих писателей а даже вообще артистов, но может быть мало известно, что на самого него кое-кто еще влияла. Об этом, он рассказал в «Общем предисловии 1829 года» к «Уэверли»:

Два обстоятельства особенно чувствительно напомнили мне об утраченной рукописи. Первое — это широко распространившаяся и вполне заслуженная слава мисс Эджуорт, своими прекрасными зарисовками ирландских типов необыкновенно способствовавшая ознакомлению англичан с веселым и добросердечным характером их соседей-островитян, — и, право же, можно считать, что она сделала для укрепления Британского Союза больше, нежели все законодательные акты. Я не слишком самонадеян и не рассчитываю, что мои произведения станут когда-либо в один ряд с творениями моей даровитой приятельницы, полными такого сочного юмора, трогательной нежности и удивительного чувства меры, но мне показалось, что нечто подобное тому, что так успешно было сделано ею для Ирландии, можно было бы сделать и для моей страны, представив ее жителей читателям братского королевства в более благоприятном свете, чем это до сих пор Делалось, и вызвать у них тем самым сочувствие к их Добродетелям и снисхождение к их слабостям²⁴.

В его романах, В. Скотт сумел рисовать крупнейшие исторические тенденции стран и обществ одновременно описывая быт людей того времени и передавая местный колорит. Его метода известная как «реалистическая меиода».

²⁴ « Two circumstances in particular recalled my recollection of the mislaid manuscript. The first was the extended and well-merited fame of Miss Edgeworth, whose Irish characters have gone so far to make the English familiar with the character of their gay and kind-hearted neighbours of Ireland, that she may be truly said to have done more towards completing the Union than perhaps all the legislative enactments by which it has been followed up. Without being so presumptuous as to hope to emulate the rich humour, pathetic tenderness, and admirable tact which pervade the works of my accomplished friend, I felt that something might be attempted for my own country, of the same kind with that which Miss Edgeworth so fortunately achieved for Ireland—something which might introduce her natives to those of the sister kingdom in a more favourable light than they had been placed hitherto, and tend to procure sympathy for their virtues and indulgence for their foibles.»
Walter SCOTT, *General Preface to the Waverley Novels*, 1829.

Правда, что В. Скотт с детства очень любил гулять в природе смотря именно на свидетельства прошлого. Об этом, он опять сам рассказал в «Общем предисловии 1829 года» к «Уэверли» и это то, что вводил французского критика Луи Мэрон писать о нем, что ему были более интересны свидетельства прошлого чем современные вещи²⁵. Но, здесь надо что-то важно подчеркнуть: если В. Скотт обращал очень аккуратное внимание о всех архитектурных, природных, бытовых деталях одного или другого исторического периода в котором он положил действие одного романа, то заметили, что на что касается психологии его персонажей, он не обратил такого же внимания. Как пишет С. М. Петров: «В области психологической романы английского писателя совсем не были так историчны, как в изображении обстановки, нравов, быта, общественной.» Недостаток ли это ? По нашему мнению, нет. По одной простой причине: В. Скотт обратился к современникам. Таким образом, он представил им героев у которых были такие же ценности как у них. Так «его Айвенго, Уоверли, Квентин Дорвард (...) напоминают тип благовоспитанного английского дворянина времен самого писателя», как еще пишет С. М. Петров. Если по нашему мнению это не недостаток а просто выбор, то Стендаль это считал слабостью и критиковал замечая, что в романах Скотта плохо раскрыты «движения человеческого сердца²⁶». О этом, надо уточнить, что Стендаль был одним из первых крупнееших поклонников Скотта, все романы он рано купил, прочитал, перечитал, о ком он много писал и т. д. Но, после первого периода безграничного поклонения, он начал увидеть слабости сочинения своего «отца²⁷».

Говоря о романе В. Скотта « Пуритане» („Old Mortality“), Д. П. Якубович так описывает его метод:

²⁵ « Des nombreux témoignages de ses biographes, et surtout de ses aveux personnels, il apparaît clairement que le présent ne l'a jamais intéressé que comme représentatif du passé, et que c'est au passé que sont toujours allées ses préférences. » MAIGRON Louis, CHAPITRE IV Le roman historique dans Walter Scott, in *Le roman historique à l'époque romantique, Essai sur l'influence de Walter Scott*, Librairie Ancienne H Champion, Paris, 1912, p. 35.

²⁶ Стендаль . Вальтер Скотт и «Принцесса Клевская». Сб. «Литературные манифесты французских реалистов». Под редакцией и со вступительной статьей) М. К. Клемана, «Изд. писателей в Ленинграде», 1935, стр. 38.

²⁷

Он писал роман, собирая сам материалы и проверяя их устными преданиями, сохранившимися среди стариков, рассказами разносчиков (merchants) и странствующих портных, которые, как он говорит, — „по самому роду своего ремесла, останавливаясь по неделям в барских усадьбах, могли хорошо знакомиться с местными преданиями“ („...may be considered as possessing a complete register of rural traditions.....“); он опрашивал лесничих — их должность наследственная — рядом с епископами и лердами. Его задача „to do justice to the merits of both parties“ [sic]. Он проверяет качество рассказов (I have enabled to qualify the narratives) стариков сравнением их с семейными хрониками аристократических домов — сторонников Стюартов. Его цель — беспристрастие.²⁸

Такой метод сам создал В. Скотт. Он интересовался не только сухой хронологией политических и военных событий но еще бытовой жизни прошлого. Он не только создал новый метод заниматься историей а еще предлагал новый взгляд на историю. После его работы, историки начали обратить более серьезное внимание на историю народа а не только его лидеров.

1.2 Влияние Скотта на Пушкина и Дюма

1.2.1. Влияние Скотта на Пушкина

Вопрос влияния В. Скотта на Пушкина вообще не спорный. Спорят только о пространстве этого влияния. Д. П. Якубович опубликовал очень интересную статью²⁹ об этом. Примерно в середине его статьи, он напоминает факт, что во время сочинения «Капитанской дочки», Пушкин перечитывал романы Скотта — любимого романиста³⁰. Нам казалось важно начинать часть о влиянии Скотта на Пушкина именно этой информацией. В конце его статьи, Якубович даже дает точные примеры, цитируя слова самого Пушкина:

²⁸ Д. П. Якубович "Капитанская дочка" и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 186-187.

²⁹ Д. П. Якубович "Капитанская дочка" и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 165—197.

³⁰ Д. П. Якубович "Капитанская дочка" и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 180

Разделавшись с корректурой „Истории Пугачева“, Пушкин, видимо, вновь берется в Болдине осенью 1834 г. за переработку „Капитанской Дочки“ и как раз в это время пишет жене; „Читаю Вальтер Скотта“ (конец сентября). 19 октября он пишет Фукс: „я весь в прозе“. Осенью следующего года (21 сентября) из Михайловского сообщает жене: „Я взял у них <Вревских> Вальтер Скотта и перечитываю его. Жалею, что не взял с собою английского“ и через две-три строчки: „Осень начинается. Авось засяду“. Очевидно, в мыслях о „Капитанской Дочке“ стимулом являлся В. Скотт. И через 4 дня снова: „Читаю романы В. Скотта, от которых в восхищении“ и рядом: „вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки“. Итак, Пушкин читал в эти дни несколько романов Скотта (во французском переводе, надо полагать). Еще через несколько дней: „езжу в Тригорское, 2 роюсь в старых книгах <...>, а ни стихов, ни прозы писать и не думаю“. Наконец, 2 октября: „Со вчерашнего дня начал я писать <...> Авось распишусь“³¹.

До того как Якубович цитирует Пушкина в конце его статье о «Капитанской дочке» и романах Вальтера Скотта, он еще напомнил, что в окружении Пушкина ожидали роман в котором можно почувствовать влияние В. Скотта³². Все это доказывает, что нельзя отрицать влияние Скотта на Пушкина. Об этом, современные критики уже поговорили и Д. П. Якубович начинает статью именно презентацией их мнения или труда сразу напоминая: «Всесторонний анализ „Капитанской Дочки“ и выяснение ее значения в творческой эволюции Пушкина невозможны без полного учета взаимоотношений романа с романами В. Скотта.³³» Так, продолжает он, «эти взаимоотношения являются одной из существеннейших сторон в сложении романа. После этого, он еще уточнит, что, хотя связи Капитанской дочки с

³¹ Д. П. Якубович "Капитанская дочка" и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 195.

³² « Заочный знакомец В. Скотта и приятель Пушкина — Денис Давыдов — писал Языкову 3 октября 1833 г. по поводу „загадки появления“ Пушкина в Казанской и Оренбургской губерниях, предполагая сочинение „какого-нибудь романа, в котором будет действовать Пугачев“. „Авось ли мы увидим что-нибудь близкое к Вальтер Скотту; по сю пору мы не избалованы качеством, но задушены количеством романов“. 1 И 7 ноября (письмо к Языковым, у которых Пушкин только что был): „Рад душевно, что П. принялся за дело“ (имеются в виду его „вдохновения“). Очевидно, Пушкин писал роман, близость которого к В. Скотту мыслилась многими. »

Д. П. Якубович "Капитанская дочка" и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 195.

³³ Д. П. Якубович "Капитанская дочка" и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 165—197.
<http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v39/v39-165-.htm>

романами Скотта не спорные, эти связи никогда не были точно изучены. Определить в каких степен эти связи глубокие и важные, вообще выяснить влияния Скотта на Пушкина точными примерами — сюжет его статьи.

Безусловно, до того как Якубович опубликовал свой труд о влиянии Скотта на Пушкина, это влияние было уже хорошо известно. Так, он сам пишет: «Еще Белинский назвал Савельича — „русским Каледом“; А. Д. Галахов указал: „у Пушкина в конце «Капитанской Дочки», именно в сцене свидания Марии Ивановны с императрицей Екатериной II, есть тоже подражание... Дочь капитана Миронова поставлена в одинаковое положение с героиней «Эдинбургской Темницы»»³⁴.

Кроме того, использование такого скоттовского приема — встреча героя с важным историческим лицом который потом еще будет играть важную роль в его жизни, не раз встречается в романах Пушкина. Так первая встреча героя с Пугачевым происходит именно таким образом : Гринев встретится с ним случайно, не зная кто он на самом деле.

Можно сравнивать эту цену с известными ценами Скотта устроенными на таком же художественном принципе. Так, например, в «Айвенго», читатель не знает, что смелый рыцарь которого он видит на самом деле является Ричардом I-ым, королем Англии или в «Квэнтине Дорварде», он не знает, что тот человек которого герой считает простым торговцем на самом деле является Людовиком XI-ым, королем Франции. Это один и тот же механизм. По таким очевидным общим приемам, Якубович назвал «Капитанскую дочку» творжением «вальтера-скоттовского периода Пушкина»³⁵.

1.2.1.1 Использование скоттовских приемов

Какой силой творчество Скотта влияло на Пушкина? В начале его статьи, Якубович классически и методически представляет разные позиции пушкинистов и литературоведов о влиянии Скотта на Пушкина различая два

³⁴ *Ibid.*

³⁵ *Ibid.*

взаимоисключительные положения: мнение специалиста Скотта Чернышевского по которому влияние Скотта огромное и мнение Черняева по которому наоборот оно не так значительное. Точнее, по словам Якубовича, «Н. Г. Чернышевский, хорошо знавший Скотта, категорически, но попутно указал, что повесть прямо возникла „из романов Вальтера Скотта“.» Квалифицирован Якубовичом представителя «славянского лагеря» и «идеолога русского самодержавия», Черняев считал, что «весь роман свидетельствует о том, что Пушкин, наведенный В. Скоттом на мысль воссоздать в художественных образах и картинах нашу старину, шел совершенно самостоятельно.³⁶» Сделав два лагеря, Якубович потом уточнить в какой лагере находится такой или иной литературовед. Так А. И. Кирпичников и А.Н. Пыпин, Алексей Н. Веселовский и В. В. Сиповский относятся к лагерю Чернышевского. Наконец, Якубович представляет точку зрения М. Гофмана и так заключит говоря, что если по мнению Галахова, Пушкин «подражал» «Капитанской дочке» В. Скотту, то по мнению Черняева, он его «продолжал» а наконец по мнению Гофмана он «отталкивался» от В. Скотта. Различия между этими нюансами не так точные. Иными словами, все не достаточно ясно... И конечно, таким образом, Якубович выводит к выводу что надо исследовать эту тему, тем именно является его работа : «Только выяснением роли В. Скотта для пушкинского творчества на всем его протяжении, полным изучением творчества В. Скотта-прозаика и прозаика-Пушкина, регистрацией и осмыслением всех точек соприкосновения можно подойти к ответам на вопросы о функции его для Пушкина³⁷.» Итак, после того, как он показал с помощью хронологии, что у Пушкина давно было желание написать исторический роман о бунте Пугачева (во второй части его статьи), он начинает сравнения творчества Скотта и Пушкина в деталях.

Общих характеристик между «Капитанской дочкой» и романами Скотта очень много. Якубович пишет о «ряде внешних черт исторического романа³⁸». Даже если он не их представляет под видом списка, можно все равно сделать

³⁶Н. И. Черняев. „Капитанская Дочка“, М., 1897, стр. 45; ср. также стр. 46, 47, 80, 153, 167, 206 и др.

³⁷ Д. П. Якубович "Капитанская дочка" и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 166

³⁸ с. 168

такой список.

Прежде всего, действие «Капитанской дочки» находится в смутных моментах истории страны, именно как в большинстве романов Скотта³⁹. Пушкинский роман еще написан под видом мемуаров. Этот прием не раз использовал В. Скотт, например в романе «Роб-Рой».

После того как он напомнил комический эпизод о требовании Савельича от Пугачева («штанов белых, суконных на 5 рублей », « погребца с чайною посудю, на 2 рубля с полтиною » и заячьего тулупчика), Якубович пишет, что эта ситуация «восходит к В. Скотту». Правда, что можно ее сравнивать как он сам делает⁴⁰ с эпизодом прошения слуги героя Найджля (Ричи Мониплейза) королем в «Приключениях Найджля» В. Скотта. Но из факта, что ситуации похожи друг на друга, можно ли без сомнения доказать, что В. Скотт влиял на Пушкина? Можно. Но здесь Якубович не представляет прямое бесспорное доказательство. Для него, сцена списка Савельича «реплика» сцены петиции Ричи Монаплейза. Но говорить о доказанном влиянии здесь спорно. Если влияние есть, тогда в какой степени ? Якубович конечно никогда не назвал Пушкина подражателем Скотта. Наоборот, он хорошо уточнил, что Пушкин отличался от многих русских подражателей шотландского гения⁴¹. Но, все равно, простое сравнение можно считается слабым доказательством, и может быть такого критика как Черняева, оно не смогло бы убедить.

В отличие от предыдущего примера, следующий пример проведенный Якубовичем по много убедительнее. Так после того, как он сравнивал сцену прихода Гринева и Савельича к Пугачеву с сценой прихода Уайлдрекка к

³⁹ В. Скоттом особенно любимы эпохи религиозной и политической борьбы в XVI в. („Монастырь“, „Аббат“, „Кенильворт“ — время Елизаветы и Марии Стюарт); наиболее революционные моменты XVII в. („Певериль“, „Легенда о Монтрозе“, „Черный Карлик“, „Старый Смертный“ — борьба „круглоголовых“ и „кавалеров“; „Вудсток“ — буржуазная революция Кромвеля). Гражданские войны изображались особенно в „Уэверли“ и „Легенде о Монтрозе“ („the period of that great and bloody Civil War“ — говорит Скотт), частично в „Пертской Красавице“, „Роб-Рое“ — наиболее блестящих романах Скотта. 1 Пушкин, „восхищавшийся“ Скоттом в эти годы, вновь должен был внимательно присматриваться и к этой стороне, сам сосредоточившись на изображении крестьянского восстания XVIII в.

Д. П. Якубович "Капитанская дочка" и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 168-169.

⁴⁰ Д. П. Якубович "Капитанская дочка" и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 173-174.

⁴¹ Д. П. Якубович "Капитанская дочка" и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 169.

неузнанному им Кромвелю в «Вудстоке», он объяснил, что известно нам по самим словам Пушкина, что автор хорошо знал эту сцену встречи в «Вудстоке» а еще высоко отценивал ее. И так Якеубович пишет цитируя самого Пушкина: «Сходство этих живописных штрихов приобретает особое значение, если вспомнить, что именно этот эпизод „Вудстока“ Пушкин рекомендовал почти в то же время в качестве „картины просто набросанной“, как образец „естественного изображения“ („Прочтите в „Вудстоке“ встречу одного из действующих лиц с Кромвелем в кабинете Кромвеля“)⁴². »

Использование такого приема важно автору не только для того, чтобы сделать сюрприз читателю. Такой прием еще позволяет автора показать разбойников именно в их мире, в их средах. Таким образом, автор может показать как они говорят и поступят. С этой точки зрения, сцена в кибитке, во второй главе «Капитанской дочки» значительная :

«Эхе, — сказал он, — опять ты в нашем краю! Отколе бог принес?» Вожатый мой мигнул значительно и ответил поговоркою: «В огороде летал, конопля клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?» — Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечеру звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте. — «Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье!» При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и воротился на полати. Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмиренного после бунта 1772 года⁴³.

Этим вальтер-скоттовским приемом, Пушкин может и создать местный колорит, и реализм, и потом сюрприз когда читатель узнает кем является вожатый.

⁴² Д. П. Якубович "Капитанская дочка" и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 174-175.

⁴³ Капитанская дочка, Лит. Помят. 1984, с. 16

1.2.1.2 От записок историка до сочинения романиста

На что касается бунт Пугачева в работе Пушкина, можно обратить внимание на два направления. Работа Пушкина как историк, и работа как романист.

Как историк, можно сказать, что Пушкина использовал метод В. Скотта, или вообще метод современного историка. Даже если его методические принципы были ктитикованны некоторыми марксистскими авторами, как, например, Н. Гриценко⁴⁴, нельзя недооценивать важность пушкинского исследования о бунта Пугачева.

Пушкин, как любопытный умный человек и как историк хотел понять причины крестьянских восстания и русских бунтов а именно причины пугачевщины. Как известно, в этой цели, он попросил и получил разрешение изучать архивные матирелы и путешествовал в Урал и в район Оренбурга для того, чтобы встериться с людми которые увидели восстание Пугачева. Прямый результат этого труда — История Пугачева.

Но, нам кажется, что прежде всего интересно как Пушкин использовал результаты исследования для того чтобы писать роман а именно как он описал бунт в «Капитанской дочке». Как превратил он сухой исторический материал в романическую прозу.

После того как он представил яицких казаков в первой главе «Истории Пугачева», Пушкин описывает появление Пугачева и его первые успехи во второй главе, в том числе взятия крепости Рассыпной, Нижне-Озерной, Тамищевой и Чернореченской. Этот очень маленький список уже хорошо показывает какой тип работы сделал Пушкин: он абсолютно все изучал в деталях. Интересно сравнивать описание этих взятии с описание приступа во седмой главе «Капитанской дочки».

Взятия крепостей и городов вообще похожи друг на друга, как

⁴⁴

показывают следующие примеры из «Истории Пугачева». Во второй главе, взятие крепости Рассыпной так описано Пушкиным: «24 сентября Пугачев напал на Рассыпную. Казаки и тут изменили. Крепость была взята. Комендант, майор Веловский, несколько офицеров и один священник были повешены, а гарнизонная рота и полтораста казаков присоединены к мятежникам.» Мы дальше посмотрим в деталях то, что пушкин пишет о взятии крепости Нижне-Озерной. О взятии Татищевой, он пишет:

Утром 27 сентября Пугачев показался на высотах, ее окружающих. Все жители видели, как он расставил там свои пушки и сам направил их на крепость. Мятежники подъехали к стенам, уговаривая гарнизон – не слушаться бояр и сдаться добровольно. Им отвечали выстрелами. Они отступили. Бесплезная пальба продолжалась с полудня до вечера; в то время скирды сена, находившиеся близ крепости, загорелись, подожженные осаждающими. Пожар быстро достигнул деревянных укреплений. Солдаты бросились тушить огонь. Пугачев, пользуясь смятением, напал с другой стороны. Крепостные казаки ему передались. Раненый Елагин и сам Биров оборонялись отчаянно. Наконец мятежники ворвались в дымящиеся развалины. Начальники были захвачены. Бирову отсекли голову. С Елагина, человека тучного, содрали кожу; злодеи вынули из него сало и мазали им свои раны. Жену его изрубили. Дочь их, накануне овдовевшая Харлова, приведена была к победителю, распоряжавшему казнию ее родителей. Пугачев поражен был ее красотой и взял несчастную к себе в наложницы, пощадив для нее семилетнего ее брата. Вдова майора Веловского, бежавшая из Рассыпной, также находилась в Татищевой: ее удавили. Все офицеры были повешены. Несколько солдат и башкирцев выведены в поле и расстреляны картечью. Прочие острижены по-казацки и присоединены к мятежникам. Тринадцать пушек достались победителю.

Прочитав этот ужасный фрагмент, можно заметить, что Пушкин не считал необходимым передать хужие детали пучачевского бунта в «Капитанской дочке». Но можно еще думать, что Пушкин прекрасно знал о чем о говорил когда он написал эту известную фразу в главе XIII (Арест): «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!⁴⁵»

О взятии Чернореченской, собрав информации Пушкин пишет «Из Татищевой, 29 сентября, Пугачев пошел на Чернореченскую(12). В сей крепости оставалось несколько старых солдат при капитане Нечаеве, заступившем на место коменданта, майора Крузе, который скрылся в Оренбург. Они сдались без супротивления. Пугачев повесил капитана по жалобе крепостной его девки.»

Повтарить эти описания взятия крепости не надо. Быстро становится очевидным, что все офицеров всегда повесили. Об этом интересно заметить, что единственным офицером которого не повесили является Башарин, о котором мы будем говорить дальше когда будем обсуждать генезис персонажа Гринева. У других этого шанса не было, даже когда крестьянин или слуги попросили Пугачеву остат их в жизни. Такой неудачный печальный пример можно находить именно в описании взятия Нижне-озерной, о том Пушкин говорит в «Исторри Пугачева» и который он использует в «Капитанской дочке»: «Гарнизон стал просить за своего доброго коменданта; но яицкие казаки, предводители мятежа, были неумолимы.»

Из этих нескольких примеров еще нтересно заметить, что старые солдаты или офицеры или вообще слабая защита крепости не художественный прием. Да, в том или ином романе В. Скотта есть описание пустыного места где странные люди живут куда герой отправлен был и т. д., все это правильно. Но описание Пушкина крепости Белогорской с ее очень маленьким полк составлен из старых солдатов и инвалидов не просто вымысел. Это описание близко к реальности. Иными словами, это не только романтическая любовь к старым камням и странным местам или даже фантастическим странным атмосферам а еще просто описание реальной ситуации большинства крепост этого времени.

⁴⁵ с. 74

В «Истории Пугачева», много взятии крепостей. Иногда Пушкин дает мало деталей, иногда больше. Могло бы проводить очень много примеров об этих пушкинских рассказов. Среди них, описание взятия Нижне-Озерной крайное интересное во первых потому, что вымышленная крепость Белогрской находится не далеко от этой исторической крепости и во вторых потому, что Пушкин использует именно эту новость о том, что взяли Нижне-Озерную, в «Капитанской дочке». Так будет интересно посмотреть как он использовал этот факт. Вот то, что Пушкин написал о взятии крепости. Текст находится во второй главе «Истории Пугачева»:

Из Рассыпной Пугачев пошел на Нижне-Озерную. На дороге встретил он капитана Сурина, высланного на помощь Веловскому комендантом Нижне-Озерной, майором Харловым. Пугачев его повесил, а рота пристала к мятежникам. Узнав о приближении Пугачева, Харлов отправил в Татищеву молодую жену свою, дочь тамошнего коменданта Елагина, а сам приготовился к обороне. Казаки его изменили и ушли к Пугачеву. Харлов остался с малым числом престарелых солдат. Ночью на 26 сентября вздумал он, для их ободрения, палить из двух своих пушек, и сии-то выстрелы испугали Билова и заставили его отступить. Утром Пугачев показался перед крепостию. Он ехал впереди своего войска. «Берегись, государь, – сказал ему старый казак, – неравно из пушки убьют». – «Старый ты человек, – отвечал самозванец, – разве пушки льются на царей?» – Харлов бегал от одного солдата к другому и приказывал стрелять. Никто не слушался. Он схватил фитиль, выпалил из одной пушки и кинулся к другой. В сие время бунтовщики заняли крепость, бросились на единственного ее защитника и изранили его. Полумертвый, он думал от них откупиться и повел их к избе, где было спрятано его имущество. Между тем за крепостью уже ставили виселицу; перед нею сидел Пугачев, принимая присягу жителей и гарнизона. К нему привели Харлова, обезумленного от ран и истекающего кровью. Глаз, вышибленный копьем, висел у него на щеке. Пугачев велел его казнить и с ним прапорщиков Фигнера и Кабалерова, одного писаря и татарина Бикбая. Гарнизон стал просить за своего доброго коменданта; но яицкие казаки, предводители мятежа, были неумолимы. Ни один из страдальцев не оказал малодушия. Магометанин Бикбай, взошед на лестницу, перекрестился и сам надел на себя петлю. На другой день Пугачев выступил и пошел на Татищеву.

На что касается стиля Пушкина, интересно посмотреть, как исторические описания превратились в романическую прозу. Исходя от пушкинских описаний защит крепост в «Истории Пугачева», мы предлагали, что странная черта слабой защиты крепост в «Капитанской дочке» не искусственная, не художественная, что это, наоборот реалистическая черта повести, иными словами, что это может быть не только вальтер-скоттовский прием, как считает Якубович. Но факт что Пушкин перечитал романы Скотта во время сочинения «Капитанской дочки» есть и Якубович абсолютно убедительный когда он объясняет что в то время проблема Пушкина была следующая: как изменить список сухих исторических фактов на роман. Итак объясняет Якубович:

Главою „Пугачевщина“ Пушкин открывает ряд глав собственно-исторического романа. Семейно-авантюрный роман уступает место изображению эпохи, занимавшей поэта в „Истории Пугачева“. В этих главах, особенно важных для Пушкина, основанных на документах и личном изучении исторического материала, однако, явно скрещиваются и реминисценции из нескольких романов В. Скотта („Уэверли“, „Роб-Рой“, „Старый Смертный“, „Кв. Дорвард“), т. е. именно тех, которые подсказывали Пушкину романическое оформление его исторического материала. Старое тяготение Пушкина к историко-социальному роману нашло (насколько позволяли опасения цензуры) наиболее полное и совершенное выражение. Здесь особенно важно вскрыть и использование Пушкиным опыта В. Скотта. Картина набега на крепость многократно была разрабатываема В. Скоттом. Сухие исторические факты эпохи восстания, представшие Пушкину-историку со страниц изученных им архивов, и впечатления от мест, где действовал их герой, в живой образности, вставляли перед Пушкиным-романистом со страниц романов В. Скотта, уже разработавшего аналогичные эпизоды гражданских войн своей истории. Не случайно Пушкин именно в это время занят перечитыванием любимого романиста⁴⁶.

Мы прочитали историческое описание взятия Нижне-Озерной написанное Пушкиным. Посмотрим как он использует эти факты в повести :

⁴⁶ Д. П. Якубович "Капитанская дочка" и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 180

Глава VI Пугачевщина

Батюшки, беда! — отвечала Василиса Егоровна. — Нижне-Озерная взята сегодня утром. Работник отца Герасима сейчас оттуда воротился. Он видел, как ее брали. Комендант и все офицеры перевешаны. Все солдаты взяты в полон. Того и гляди, злодеи будут сюда.

Неожиданная весть сильно меня поразила. Комендант Нижне-Озерной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком: месяца за два перед тем проезжал он из Оренбурга с молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузьмича. Нижне-Озерная находилась от нашей крепости верстах в двадцати пяти. С часу на час должно было и нам ожидать нападения Пугачева. Участь Марьи Ивановны живо представилась мне, и сердце у меня так и замерло, — Послушайте, Иван Кузьмич! — сказал я коменданту. — Долг наш защищать крепость до последнего нашего издыхания; об этом и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщин. Отправьте их в Оренбург, если дорога еще свободна, или в отдаленную, более надежную крепость, куда злодеи не успели бы достигнуть⁴⁷.

Этот фрагмент «Капитанской дочки» нам кажется очень интересным потому, что в нем можно видеть все искусство и художество Пушкина. Еще раз, какая была проблема? Пушкин хотел написать исторический роман о восстании Пугачева. У него была огромная документация в виде сухой список фактов и рассказы свидетелей. Как использовать эти материалы в романе для того чтобы повесть была приятной и крайне вероятной? Дело не было простым и мы знаем и уже напомним, что во время сочинения Пушкин перечитал романы Скотта... то есть романы мастера повествования нападения и осад. Итак, что видим в этом фрагменте?

Василиса Егоровна передает новость о взятии Нижне-Озерной Пугачевем. Ее рассказ очень краткий, очень эмоциональный. Здесь, Пушкин использует диалог. Сцена живая и главная информация еще кратка: «Комендант и все офицеры перевешаны. Все солдаты взяты в полон.» Все перевешаны. Как уже

⁴⁷ С. 38-39

сказано, такие преступления были обычными и можно их найти почти во всех записках о взятии крепостей Пугачевем собранных Пушкиным.

С помощью умного сочетания исторических фактов и вымысла, Пушкин умеет дать повесть высокую вероятность а даже заставляет читателя верить в существовании персонажей. Так нарратор Гринев — вымышленный персонаж. Но Нижне-Озерная настоящая крепость о взятии которой Пушкин писал в «Истории Пугачева». Ее команданта звали Харлов и у него была молодая жена. До того как Пугачев напал на крепость, он отправил жену далеко в безопасности и сам подготовился к нападению. Все эти исторические факты хорошо были знакомы Пушкиным.

В этом фрагменте очень интересно заметить как Пушкин использовал эти факты для того, чтобы повесть стала еще более вероятной а точнее, чтобы все персонажи, в первой очереди нарратор Гринев, еще стали вероятнее.

Реакция Гринева крайне интересная. Во первых, как уже сказано, Гринев верный свою долгу. Он порядочный человек и дворянин. У него высокие ценности: долг защищать крепость и охранять женщин. Верность персонажа ценностям его класса делает его вероятным. А во вторых, интересно заметить, что, у Гринева абсолютно такая же реакция как у исторического лица коменданта Нижне-Озерной Харлова. Он тоже думал и о спасении жену и о выполнении должностью.

Конечно, Гринев вымышленный персонаж, но вероятно, что если бы он реально существовал, он бы смог дружить с офицером с такими ценностями. Иными словами они думают и поступают одинаковы. Харлов ли был молодым? Мы это не знаем и Пушкин наверное тоже об этом ничего не знал. Но у него была молодая жена. Так факт, что такое лицо с такими ценностями и наверное примерно одинаково возраста Гринева смог бы быть приятным знакомством такого молодого офицера как Гринева конечно очень вероятно. Факт, что они смогли быть друзьями если бы они жили бы в таком же мире крайне вероятно. Таким образом персонажа Гринева получает еще реалистичнее черту.

Так, автор положил в роте его героя :

Неожиданная весть сильно меня поразила. Комендант Нижне-Озерной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком: месяца за два перед тем проезжал он из Оренбурга с молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузьмича. Нижне-Озерная находилась от нашей крепости верстах в двадцати пяти.

Здесь можно точно видеть то, что Пушкин вообразил и то, что на самом деле был. Нигде не написано в «Истории Пугачева», что комендант Нижне-Озерной был «тихий и скромный молодой человек». Это сочинял Пушкин. Но факт, что у него была молодая жена совершенно правда. Оренбург и Нижне-Озерная реальные места, Крепость Белогорской вымышленная. Факт, что герой нарратор пишет, что он знал этого офицера, а еще факт, что он его описывает и квалифицирует является одним из приемов благодаря которым Пушкин может увеличить вероятность вымышленных персонажей как и вероятность вымышленной крепости Белогорской. Реакция Гринева такая же как реакция Харлова.

События реальные, но факт, что нарратор отреагирует очень эмоционально и уточняет, что он знал коменданта делает состав еще вероятнее. То есть, реальность смешанна с эмоциями вымышленного персонажа создаст читателя сочувствовать с героем. «Он был мне знаком.» Это почти как будто-то он был знаком друга читателя.

1.2.1.3 О персонаже Савельича

Савельич конечно не главный герой роман, он персонаж второго плана. Однако его роль важный в романе. Это именно он спасает Гринева от смерти после победы пугачевцев. Это еще он узнает Пугачева («А узнал ли ты, сударь, атамана?») — Нет, не узнал; а кто ж он такой? — Как, батюшка? Ты и позабыл того пьяницу, который выманил у тебя тулуп на постоялом дворе? Заячий тулупчик совсем новешенький; а он, бестия, его так и распорол, напяливая на

себя!⁴⁸ ») ... а это он, а не Гринев, которого сам Пугачев узнал («если б не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча.»).

Савельич еще комический персонаж хотя в письме Пушкину в конце ноября — начало декабря 1836 г. в Петербурге, Одоевский написал: «Савельич чудо! Это лицо самое трагическое, т. е. которого больше всех жаль в Повести.⁴⁹» Это истолкование нам кажется несколько странным. Судьба Муж и Жена Мироновы, родителей Машинам кажется по много трагичнее той Савельича!

Сходство этих живописных штрихов приобретает особое значение, если вспомнить, что именно этот эпизод „Вудстока“ Пушкин рекомендовал почти в то же время в качестве „картины просто набросанной“, как образец „естественного изображения“ („Прочтите в „Вудстоке“ встречу одного из действующих лиц с Кромвелем в кабинете Кромвеля“)⁵⁰.

Однако, нельзя выводить из факта, что общие черты есть между Савелием и скоттовским слугам что этот персонаж не настоящий пушчинский персонаж, Наоборот! Так об этом пишет Якубович: «Сходство этих живописных штрихов приобретает особое значение, если вспомнить, что именно этот эпизод „Вудстока“ Пушкин рекомендовал почти в то же время в качестве „картины просто набросанной“, как образец „естественного изображения“ („Прочтите в „Вудстоке“ встречу одного из действующих лиц с Кромвелем в кабинете Кромвеля“)⁵¹. »

1.2.2 Влияние на Дюма

Позиция нарратора, рассказывающего свои мемуары от первого лица в единственном числе, очень удобна для автора, поскольку рассказанные события

⁴⁸ с. 47

⁴⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Том 16 (Переписка 1835-1837). 1303. В. Ф. Одоевский — Пушкину. — 1949.

⁵⁰ Д. П. Якубович "Капитанская дочка" и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 174-175.

⁵¹ Д. П. Якубович "Капитанская дочка" и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 174-175.

уже развернулись, и с тех пор нарратор смог узнать причины и следствия этих событий, входы и выходы из них, он может легко, незаметным скольжением, переходить от этой позиции к позиции классического всезнающего рассказчика от третьего лица. Обо наши авторы используют этот прием.

Имея в своем распоряжении этот инструмент, автор может свободно использовать его или даже злоупотреблять им по своей воле. В случае повествования о восстании это доступный инструмент. Другим инструментом, к которому, в частности, прибегнет Пушкин, является диалог, который, даже если он очень короткий, сразу же оживляет сцену.

Наши два романа имеют общее то, что действие происходит в Смутное время: восстание Пугачева в «Капитанской дочке» и попытка переворота Декабристов в «Учителе фехтования». Как рассматриваются эти две темы в этих произведениях?

На что касается влияние Скотта на Дюма, можно вообще проводить такие же типы примеров как у Пушкина: встречи главного героя или главной героини с великим историческим персонажем, не узнавая его, рассказ исторический события с точки зрения свидетеля под видом мемуарий... Мы не будем обсуждать в этот раз все эти приемы, а просто проводим пример использования Дюма прием мемуаров, потому, что нам кажется, что именно в этом романе, интересно на это обратить внимание.

Не надо искать записки Гризье: их нет! Их вообразил Дюма. Но честно говоря, нарратор так убедительный, что можно верить что они существуют. Почему бы нет? Гризье написал трактат о фехтовании⁵². Он смог бы еще написать мемуары! Но факт то, во первых эти мемуары нельзя найти и во вторых, Дюма сам написал что Гризье просто ему рассказал то, что он знал об истории Аннековов⁵³, безусловно доказывает, что записки — литературный прием.

⁵² Augustin Grisier, « Les armes et le duel », 1847. Seconde édition 1864.

⁵³ « C'était bien cet Alexis et cette Pauline dont Grisier m'avait raconté les aventures, et des aventures desquels j'avais fait un roman. » in Alexandre Dumas, « En Russie – Impressions de voyage », Éditions François Bourin, Paris, 1989, p.607. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k27252v/f32.double>

Использование такой прием можно считается обычный. Так, Элизабет Клости Божур квалифицирует «обычным отказом от ответственности» заявление нарратор в посленей станице романа:

– Как, это вы, дорогой господин Гризье(*)?

* Анонимный автор рукописи впервые открыл здесь свое инкогнито. Я предполагаю, однако, что читатели давно уже узнали в герое этих мемуаров нашего знаменитого учителя фехтования.

Как известно и сказано, этот тип литературного приема обычно ассоциирован с В. Скоттом. Его использовали много авторов так можно его считать обычным. Можно даже квалифицировать использование таких приемов — промышленная литература⁵⁴. Но дело в том, что такие приемы эффективны! А еще, что не всегда так легко различить что вообразено и что действительно.

Так, финансовые проблемы у Дюма естественно были и ему на самом деле было надо найти сюжет нового романа! Маленькая приятная сцена которой начинается роман не была вообразена. Этот маленький пример уже доказывает, что граница между фактом и вымыслом не так точно определенная!

Для того, чтобы заключить эту часть о влиянии Скотта на Пушкина и Дюма, на казалось интересно точно сравнивать как именно в словах они все используют прием представления роман как мемуары, Результат это сравнение можно посмотреть в конце этой работы в приложении. Сравнение частности основан на работе Якубовича. Наша работа просто состояла дополнить его сравнение примерами из «Учителя фехтования» но нам казалось интересно.

⁵⁴ « Dans son célèbre pamphlet “De la Littérature industrielle”, Sainte-Beuve affirmait déjà, en 1839 : “Il y a des auteurs – suivez mon regard ! - qui n’écrivent plus leurs romans de feuilletons qu’en dialogue, parce qu’à chaque phrase, et quelquefois à chaque mot, il y a du blanc, et que l’on gagne une ligne” », Karl Akiki, La Recette du roman populaire, façon Alexandre Dumas. Sciences de l’Homme et Société. Sorbonne Nouvelle - Paris 3, 2013, p.31.

Часть 2

О «Капитанской дочке»

2.1. О причинах бунта

Понимание причин различных крестьянских восстаний всегда было заботой Пушкина. Он хотел понять. Это одна из причин, побудивших его стать историком и детально изучить восстание Пугачева. Благодаря своей работе Пушкин прекрасно понимал необходимость реформ в России. Ликвидировать рабство, предоставить крестьянам возможность работать половину недели на себя... Эти споры были недолгими среди аристократии того времени. Некоторые были категорически против, например Карамзин.

Пушкин понимал, что крестьян эксплуатируют, и это было причиной их недовольства. Более того, именно это снискало ему симпатии со стороны Коммунистической литературной критики, хотя, как было сказано, он был недостаточно марксистско-ленинским в своем историческом методе для некоторых! Таким образом, Пушкин понимал и изучал эти причины. Он понимал, что «черный народ» (крестьянство) и «белый народ» (дворянство) составляют два противоположных лагеря. Кстати, первая глава его «Истории Пугачева» посвящена рассказу об истории яйских казаков и источниках недовольства и восстания. Административные проблемы, налоги, злоупотребления, репрессии... проблем было много, и Пушкин подробно их описывает.

В «Капитанской дочке» он не просто сдерживает главное: он раскрывает причины недовольства с точки зрения нарратора. Логично, что в главе VI «Пугачевца», посвященной пугачевцу, нарратор начинает с уточнения причин этого.

Переход от нарратора от третьего лица к всеведущему нарратору здесь

хорошо заметен, поскольку Пушкин сначала заставляет своего рассказчика сказать, что он собирается описать ситуацию, а затем, используя первое лицо возвращается к своему повествованию.

Прежде нежели приступлю к описанию странных происшествий, коим я был свидетель, я должен сказать несколько слов о положении, в котором находилась Оренбургская губерния в конце 1773 года.

(...)

Обращаюсь к своему рассказу.⁵⁵

А вот как Гринев излагает причины восстания:

Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких народов, признавших еще недавно владычество российских государей. Их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражданской жизни, легкомыслие и жестокость требовали со стороны правительства непрестанного надзора для удержания их в повиновении. Крепости выстроены были в местах, признанных удобными, и заселены по большей части казаками, давнишними обладателями яицких берегов. Но яицкие казаки, долженствовавшие охранять спокойствие и безопасность сего края, с некоторого времени были сами для правительства беспокойными и опасными подданными. В 1772 году произошло возмущение в их главном городке. Причиною тому были строгие меры, предпринятые генералмайором Траубенбергом, дабы привести войско к должному повиновению. Следствием было варварское убиение Траубенберга, своевольная перемена в управлении и, наконец, усмирение бунта картечью и жестокими наказаниями. Это случилось несколько времени перед прибытием моим в Белогорскую крепость. Все было уже тихо или казалось таковым; начальство слишком легко поверило мнимому раскаянию лукавых мятежников, которые злобствовали втайне и выжидали удобного случая для возобновления беспорядков⁵⁶.

Следует отметить краткость объяснения, предоставленного Гриниевым, и особенно его точку зрения, точку зрения дворянина своего времени. Племена называют полудикими и жестокими, и тот факт, что они отказываются

⁵⁵ с. 34

⁵⁶ Там же.

подчиняться царю или царице, делает их морально осуждаемыми. Причинами восстания для него являются жестокий характер этих племен, непокорность и тот факт, что жестокость, с которой они были подавлены, сделала их еще более недовольными.

Это объяснение кратко и не отягощает повествование. Продолжение романа, как мы увидим, проиллюстрирует его, никогда больше не возвращаясь к вопросу о причинах.

Прежде всего, как Вальтер Скотт, Пушкин руководствуется заботой об объективности. Он знает, что « правда » одного лагеря отличается от « правды » другого. Как сказал бы Блез Паскаль « правда в Пиренеях, ошибка за ее пределами ⁵⁷». Он знает, что их взгляды непримиримы. Мы говорили, что Гриниев представил ситуацию с точки зрения дворянина своего времени. Возьмем теперь пример с капитана Миронова. Когда Гриниев рассказывает ему о слухах о восстании, он смеется и напоминает, что предыдущие восстания были подавлены и что окрестные племена напуганы. Он так считает, и его жена думает так же.

«Я слышал, — сказал я довольно некстати, — что на вашу крепость собираются напасть башкирцы». — «От кого, батюшка, ты изволил это слышать?» — спросил Иван Кузьмич. «Мне так сказывали в Оренбурге», — отвечал я. «Пустяки! — сказал комендант. — У нас давно ничего не слыхать. Башкирцы — народ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось, на нас не сунутся; а насунутся, так я такую задам острастку, что лет на десять угомоню». — «И вам не страшно, — продолжал я, обращаясь к капитанше, — оставаться ' в крепости, подверженной таким опасностям?» — «Привычка, мой батюшка, — отвечала она. — Тому лет двадцать как нас из полка перевели сюда, и не приведи господи, как я боялась проклятых этих нехристей! Как завизжу, бывало, рысьи шапки, да как заслышу их визг, веришь ли, отец мой, сердце так и замрет! А теперь так привыкла, что и с места не тронусь, как придут нам сказать, что злодеи около крепости рыщут⁵⁸»

⁵⁷« Vérité en-deça des Pyrénées, erreur au-delà ». Blaise Pascal, *Pensées*.

⁵⁸ Там же с. 22.

Что касается пыток, то, как человек своего времени, капитан Миронов находит это естественным. Заключенному, которого он допрашивает, уже отрезали нос и уши. Похоже, это не шокирует его больше, чем это. Это был мятеж, его наказали. Там же с. 38.

Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого росту, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали еще огнем. «Эхе! — сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году. — Да ты, видно, старый волк, побывал в наших капканах. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстр.»⁵⁹

Когда мы обнаруживаем, что он немой, потому что ему отрезали язык, достигается определенная степень ужаса. Здесь Пушкина подстерегал ужасный, но, к сожалению, реалистичный сюрприз.

Два инвалида стали башкирца раздевать. Лицо несчастного изобразило беспокойство. Он оглядывался на все стороны, как зверок, пойманный детьми. Когда ж один из инвалидов взял его руки и, положив их себе около шеи, поднял старика на свои плечи, а Юлай взял плеть и замахнулся: тогда башкирец застонал слабым, умоляющим голосом, и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок⁶⁰.

После этого чудовищного эффекта неожиданности последующее осуждение пыток не может не убедить. Затем рассказчик отрывается от повествования, чтобы прокомментировать настоящее и обратиться к будущему :

Когда вспомню, что это случилось на моем веку и что ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия. Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие

⁵⁹ Там же с. 38.

⁶⁰ Там же с. 38.

изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений.

Трудно не думать, что это сам Пушкин выражает себя и осуждает пытки через речь своего рассказчика. Пытки входят в число тех ужасов, которые сопровождают восстание. Отсюда и знаменитая фраза ... И с этой точки зрения повествование Пушкина, не будучи возмутительным до ужаса, совершенно реалистично.

Но кто тогда наденет веревку на шею капитану Миронову ? Тот самый калека, которого можно понять, учитывая его состояние, точку зрения, то есть ненависть, которую он обрекает на благородных. Одна из причин восстания, ненависть и желание мести, возникшие после первых репрессий, здесь иллюстрируются в нескольких строках и без каких-либо комментариев со стороны нарратора.

Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На ее перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке веревку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузьмича, вздернутого на воздух⁶¹.

После краткого описания ситуации в начале главы эти две живые сцены, которые рассматриваются для первой в форме диалога, а для второй в образе, достаточны для того, чтобы понять непримиримость двух взаимоисключающих точек зрения.

Причины восстания были кратко изложены Гриневым. Но со стороны мятежников нет (больше) претензий. Теперь остается только приступ насилия или, если говорить о косках, систематический переход к врагу.

Другой взгляд на причины восстания дает нам сам Пугачев в калмыцкой

⁶¹ Там же с. 43-44.

басне, которую он рассказывает Гриневу в Главу XI « Мятёжная слобода » :

Слушай, — сказал Пугачев с каким-то диким вдохновением. — Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-на-все только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст! — Какова калмыцкая сказка?⁶²

Можно понять басню следующим образом : он не хочет жить как раб или заключенный. С его точки зрения, басня вполне понятна, но Гриниев понимает ее иначе.

Верный традиции скоттианской объективности, Пушкин, таким образом, излагает обе поставленные точки зрения. Он делает это тонко. Сначала в кратком изложении причин восстания, как их воспринимает сам рассказчик, затем в поведении персонажей обоих лагерей, наконец, в басне, рассказанной Пугачевым лично.

2.2. Особенности персонажи «Капитанской дочки»

2.2.1. Гринев

2.2.1.1. Генезис персонажа

Если точнее, то может быть еще лучше было бы так написать : от двух реальных существовавших исторических лиц (Шванвича и потом Башарина) до

⁶² Там же с. 65-66.

вымышленного персонажа парадоксально вероятнее двух предшущих прототипов (Гринева) или даже до пары вымышленных персонажей (Гринева и Швабрина) согласно Оскману.

Генезис персонажа Гринева следует следующий путь: от активного сознательного союзника Пугачева (Шванвича), до невольного свидетеля и летописца (Гринева) через пленника (Башарина) т невольного пугачевца (Валуев).

Прежде всего, может быть надо сразу уточнить или напомнить, что эволюция персонажа Гринева нам известна дошедшими до нас планами будущего романа Пушкина. Так, несколько черновиков дошли до нас. И именно на эти документы основаны все размышления, гипотезы, истолкования пушкинистов и критиков, специалистов по пушкинскому литературоведению.

Но, надо еще сразу сказать, что очень сложной задачей является представить эволюцию персонажа Гринева потому, что, и это надо сразу подчеркнуть, генезис этого персонажа очень глубоко, очень сильно, связан с генезисом самого романа, а даже с жизнью самого Пушкина. По этой причине, не легко представить все эти взаимные факты. Кроме того, по мнению некоторых критиков, включая известного пушкиниста Ю. Оксмана, еще связанным с генезисом персонажа Гринева является генезис персонажа Швабрина. Так, что тяжело отличать все информации друг от друга.

Но конечно же, яснение доклада требует такое различение. Поэтому, для того, чтобы все было так ясно как можно, часть этой главы касающаяся истории замысла персонажа Гринева будет организована следующим образом : причины начального выбора Пушкина сделать героем дворянина-пугачевца (истолкование), то есть, иными словами, контекст первых замысл Пушкина; история эволюции персонажа Гринева и эволюции самого состава романа ; предшешие истолкования этого эволюции ; истолкование этого эволюции с точки зрения отношений между фактом и вымыслом, с точки зрения репрезентации реальности в романе а вообще с точки зрения теории

возможного мира ; выводы об эффективности типологии Теренса Парсона на что касается определения или истолкования персонажа Гринева.

Кажется, что только менчество исследователей обратились внимание на причины по которым Пушкин интересовался такими историческими персонажами как и Пугачевом, Шванвичом, а раньше Борисом Годуновом или монгими другими фигурами мятежников. Конечно, об этом написали критики. Но, на что именно касается исследования о «Капитанской дочке», вопрос начального выбора Пушкина кажется по много меньше интересный чем вопрос его отказа от этого выбора. Это правда — причины отказа интереснее вопрос.

Однако, нам кажется, что, до того, как представить эволюцию пушкинских замысл которые его вводили к отказу первоначального плана сделать героем дворянина-пугачевца, надо сначала интересоваться именно причинами по которым он выбрал такую тему, по которым ему было интересно писать творжение о таких людях. После того, как все это будет представлено, мы будем интересоваться тем, что, да, все считают решающим моментом истории создания романа, то есть отказ Пушкина от этого первоначального плана.

Так, давай ответим на первый вопрос: почему Пушкин интересовался такими темами?

Контекст — интерес Пушкина к лицам самозванцев или мятежников как Борису Годунову или Стенке Рамзину, тому казаку который руководил бунтом в районе Волги в 1669-1671. Пушкин в написанном в 1826 г. письме к брату о стихотворении назвал Рамзина «единственным поэтическим персонажем русской истории». То есть такие фигуры, которые являются не только необычными людьми но даже настоящими мятежниками, Пушкину понравились.

С другой стороны, Пушкин прекрасно знал, что бунт всегда вводит с собой ужасные события. В письме к Вяземскому 3 августа 1831 г. он описывает ужасы событий осени 1830 года связанное с холера. И это именно эти события

которые ему напоминали не далокую во время эпоху пугачевского бунта.

Так, что даже до того, как он начал очень серьезно интересоваться Пугачевым и заниматься историей, Пушкин уже интересовался мятежниками и знал что-такое ужасы восстания.

Почему такой интерес к мятежникам? Это не интерес к Хаосу. Пушкин анахитс не был. Ему интересно было улучшение жизни своего современников. Он был близким к Декабристам.

Совершенно понятно, что между Пушкиным и властей отношения не были очень хорошие — убил ли его по секретному приказу царя⁶³? Политическое положение Пушкина важно узнать. Он хотел свобода а цар Николай Iой наоборот хотел уничтожать права крестьянов, крепосного права. То есть политическое положение Пушкина с молодостью, как показывает следующую маленькую хронологию, всегда была положением человека высоко отценивающего свободу и зоботающегося о других и именно о народу, за то его были много проблем с властью :

1817 : Ода «Вольность⁶⁴»

1819 : «Деревня», поэма против рабства ; Пушкин принимает участие во встечах литературного общества 2Зеленой Лампы», близкого к будущим Декабристам.

1820 : За стихи суденные против правительства, Пушкина отправили в ссылку в Екатеринослав

1824 : Пленник дома под авторитета отца

1826 : 6 декабристов наказанных на смерть убили

⁶³См. например на сайте <https://proza.ru/2014/09/07/987>

⁶⁴ «Вольность» (также известно как «Ода на Свободу») — юношеское стихотворение (ода) Александра Пушкина, написанное предположительно в ноябре-декабре 1817 года (по другим данным в 1819 г. или 1820 г.) и послужившее одной из причин четырёхлетней ссылки поэта на юг России. Несмотря на то, что при жизни Пушкина ода официально не публиковалась, в ту пору она была известна в литературных и революционных кругах. Известно, что стихотворение было найдено в вещах декабристов.
[https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_\(%D0%BE%D0%B4%D0%B0\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_(%D0%BE%D0%B4%D0%B0))

1827-28 : Глава полиции спрашивает вопросы Пушкине о стихотворении «Андре Шенье»

В этом контексте, факт, что Пушкин интересовался мятежниками и такими фигурами как Борису Годунову или Пугачеву совершенно понятно. У него была концепция, понимание, свободы которая можно найти в романе «Дубровский» главный герой которого дворянин который становится вождем крестьянино-мятежников. Роман не только романтический, Он еще представит некоторые политические идеи Пушкина о свободе и общих интересах дворянства и крестьянинов. Вот то, что об этом пишет Ю. Лотман : «Пушкин в начале 1830-х гг., исходя из чисто политического наполнения понятия свободы, пришел к убеждениям, весьма характерным для продолжателей декабристской мысли. Свобода, понимаемая как личная независимость, полнота политических прав, в равной мере нужна и народу и дворянской интеллигенции, утратившей антинародные феодальные привилегии, но выковавшей в вековой борьбе с самодержавием свободолюбивую традицию. Борьба за уважение деспотом прав дворянина - форма борьбы за права человека. С этих позиций народ и дворянская интеллигенция («старинные дворяне») выступают как естественные союзники в борьбе за свободу. Их противник - самодержавие, опирающееся на чиновников и созданную самодержавным произволом псевдоаристократию, «новую знать⁶⁵».

Очень важно еще уточнить, что Пушкина еще можно назвать историком. Так его исследование о пугачевском бунте замечательно. Он совершал этот труд научным образом, изучая архивы и ездая на место чтобы встретиться со свидетелями.

Работа Пушкина над этой темой была критикована. Разные истолкования формировались. На пример, советский автор Н. Гриценко, исследователь изучавший архивные материалы Пушкина для «Истории Пугачева», когда был

⁶⁵ Ю. М. Лотман ИДЕЙНАЯ СТРУКТУРА "КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ" (Лотман Ю. М. Пушкин. - СПб., 1995. - С. 212-227)

кандидатом исторически наук в 1949, критиковал методу Пушкина⁶⁶ из-за того, что, по его мнению, Пушкин не правильно понял классовую борьбу... Но, для защиты Пушкина, очевидно, что у самого Гриценка очень сильная идеологическая предвзятость, так нам кажется, что надо очень аккуратно, а даже критично, относиться к его критике Пушкину. Но все равно, нам казалось важно уточнить, что работа Пушкина как историк иногда была критикована.

С этой стороны, нам кажется по много важнее обращать внимание на эволюцию мнения Пушкина о вероятности пресонажа дворянина-мятежника или вообще на эволюцию его мнения о вероятности и возможности союза дворянина и крестьянина. Но об этом мы говорим дальше.

Так, просто нам казалось, что, до того как объяснить отказ Пушкина сделать героем дворянина-пугачеца, надо было понять причины его начального выбора. И эти причины оказались прежде всего политическими. Теперь уточним эволюцию сочинения персонажа Гринева и плана романа и вообще его развития.

Самым главным вопросом пушкинистов интересующихся истории создания «Капитанской дочки» является вопрос эволюции персонажа Гринева и точнее вопрос отказа Пушкина от первоначального плана сделать героем дворянина-пугачевца.

Для того, чтобы представление было так ясно как можно, мы будем представить эту эволюцию персонажа главного героя романа в хронологическом порядке а так же будем представить вместе с ней эволюцию самого плана романа и даже почти эволюцию его темы (то есть, что является самым главным в романе). Вопрос истолковении мы будем обсуждать в следующих частях.

Прототипы главного героя «Капитанской дочки» в пушкинских первых

⁶⁶ « Так, в частности, свою «Историю Пугачева» Пушкин начал не с анализа общего положения страны, положения крестьянских масс России, угнетенных народов Поволжья, Приуралья, а с положения яицких казаков. Поэтому и движущей силой этого восстания, по Пушкину, были не крестьяне, а яицкие казаки. Как эта, так и другие методологические ошибки, а также суждения и выводы Пушкина вполне естественны. Пушкин писал «Историю Пугачева» с определенных позиций, позиций прогрессивных, но классовых, дворянских, хотя поэт начинал «расти в сторону демократической революционности» Н. Гриценко. Работа А. С. Пушкина над «Историей Пугачева». «Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института. Пушкинский юбилейный сборник», Ульяновск, 1949, стр. 30.

замыслах три, а два из них реально существовали и имели сношения с Пугачевым: Шванвич и Швабрин. Третий уже вымышленный персонаж — Валуев. У персонажа Гринева конечно есть отношения с этими прототипами, и мы будем показывать что, остаются некоторые общие характеристики между ними в конце процесса сочинения. Но надо сразу подчеркнуть, что, между первым прототипом и Гриневым, общих остальных общих характеристик в конце процесса сочинения достаточно мало. Об этом мы будем говорить сейчас стараясь показывать всю эволюцию главного героя, от Шванвича до персонажа Гринева.

На что касается хронологии сочинения Капитанской дочки, обязательно надо сразу подчеркнуть, что традиционное представление по котором все начиналось в января 1833го года, представление которое еще широко распространено на сегодняшний день, даже в трудах выдающихся современных специалистов творчества Пушкина (как например Мишель Окутюрье) оказывалось неправильным.

Так, в статье называемой «У истоков Капитанской Дочки⁶⁷», научная Н. Н. Петрунина доказывала, что следующий короткий план, который долго считали (а всегда иногда считают как мы уже сказали) просто дополняющим более известный и длинее, точнее, план датированный 31 января 1833 г, на самом деле был написан раньше другого, именно в летом 1832 :

Кулачный бой. Шванвич. Перфильев. Перфильев, купец. Шванвич за буйство сослан в деревню, встречает Перфильева⁶⁸.

Последствия ее труда не частные и не формальные. Это абсолютно не анекдот. Наоборот, они оказались очень важными для того, чтобы представить себе рождение русского исторического романа.

На что касается именно Капитанской дочки, ее работа пользует лучше учение развития романа. На что касается сочинения персонажа главного героя романа, это может не так важно потому, что ее открытие не противоречит

⁶⁷ Петрунина Н. Н., Фридендер Г. М. Над страницами Пушкина. Л., 1974, с. 73—123.

⁶⁸

предидущее знание о том, что первый прототип главного персонажа романа — исторический лицо который реально существовал и звали Шванвича.

Михаил Александрович Шванвич (1726-1792) реально существовал. Его имя можно прочесть на списке решения суда 10 января 1775 где описаны все наказания пугачевских мятежников. Так, он предал, Он был лейтенантом но после того как он попал в пленом, он выбрал служить Пугачева работая на него переводчиком. Отчнее, он переводил его указа на немецкий, как сам узнал и написал Пушкин :

<ЗАМЕТКА О ШВАНВИЧАХ>

Немецкие указы Пугачева писаны были рукою Шванвича. Отец его, Александр Мартынович, был майором и кронштадтским, комендантом — после переведен в Новгород. Он был высокий и сильный мужчина. Им разрублен был Алексей Орлов в трактирной ссоре. Игран со Свечиным в ломбр, он имел привычку закуривать свою пенковую* трубочку, а между тем заглядывать в карты. Женат был на немке. Сыт его старший недавно умер. Слышано от Н. Свечина.⁶⁹

После поражения пугачевского восстания, Шванвич попытался спрятаться в Оренбурге но был арестован, потерял свой чин и был отправлен в ссылку в Сибирь.

Так, человек именной Шванвича реально существовал. Значит ли это, что пушкинский персонаж Шванвича тоже реальный? Вопрос вероятности (заслуживающего доверия) етого персонажа задал Пушкину цензор П. Корсаков, и вот что Пушкин ему ответил в письме 25 октября 1836 г.:

(...) Роман мой основан на предании, некогда слышанном мною, будто бы один из офицеров, изменивших своему долгу и перешедших в шайки пугачевские, был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, кинувшегося ей в ноги.

Роман, как изволите видеть, ушел далеко от истины⁷⁰.

⁶⁹ См. КД, Лит. Помят. 1964, с. 105.

⁷⁰ А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959—1962. Том 10. Письма 1831—1837. https://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1831_37/01text/1836/1930_742.htm

То есть, вероятность персонажа Шванвича не так высокой была. Таким образом, в типологии Теренса Парсона, такой персонажа, который сначала можно было бы принять как настоящего мигранта, на самом деле относится к категории *субститутов*. Он не так реальный как можно сначала думать. Прототип есть, но история персонажа по много вымышленна.

Как уже сказано, до того, как был опубликован труд Н. Н. Петрунины, следующий план, точно датирован 31 января 1833 г., считался первым планом романа:

Шванвич за буйство сослан в гарнизон. Степная крепость. Подступает Пугачев. Шванвич предает ему крепость. Взятие крепости. Шванвич делается сообщником Пугачева. Ведет свое отделение в Нижний. Спасает соседа отца своего. Чика между тем чуть было не повесил старого Шванвича. Шванвич привозит сына в Петербург. Орлов выпрашивает его прощение⁷¹.

Этот план, точнее предыдущего из 1832 года, характеризуется главной темой прощения изменника от императрицы благодаря отцу. Вообще можно сказать что главной темой этого черновника является прощение.

Надо еще уточнить, что этот план является последним планом, записанным Пушкиным до знакомства с архивными материалами. До этого знакомства, его герой по-прежнему Шванвич — дворянин-пугачевец. После его исследования, ему казалось, во первых, что такой герой, дворянин-пугачевец, вообще не реалистический, даже если Шванвич реальный человек который на самом деле жил и служил Пугачев. Так исключительным примером является он. Во вторых, сам Пугачев и сам бунт стали интереснее и интереснее ему. Така как сам Пугачев почти стал главным персонажем его романа

Осенью 1833 года (наверное в октябре или в начале ноября), Пушкин написал другой план в котором можно заметить появление женского персонажа,

© Электронная публикация — РВБ, 2000—2022. Версия 6.0 от 1 декабря 2019 г.

⁷¹ А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том 6 Страница 211

<https://www.rulit.me/books/a-s-pushkin-polnoe-sobranie-sochinenij-v-10-tomah-tom-6-read-505016-211.html>

но прежде всего, в котором можно заметить, а это надо подчеркнуть, замену главного механизма произведения. Так, несмотря на то, что предидущая тема прощения героя всегда присутствует в романе, самая главная тема теперь является другой. А точнее, две новых темы теперь оказываются на первом плане : тема любви и тема случайности. Еще точнее, это именно в этом плане, что Пушкин первый раз думает о случайной встрече между героем и мятежником банды Пугачева последствием которой будет встреча главного героя с Пугачевым и спасение его жизнь самозвонца. Таким образом главный герой романа больше нет предателя, но человек которого Пугачев не убить потому, что он спас жизни одного из его мятежников которого он случайно встретил.

Крестьянский бунт. Помещик пристань держит, сын его. — Метель. Кабак. Разбойник вожатый. Шванвич старый. Молодой человек едет к соседу, бывшему воеводой. Мария Ал. сосватана за племянника, которого не любит. Молодой Шванвич встречает разбойника вожатого, вступает к Пугачеву. Он предводительствует шайкой. Является к Марье Ал. Спасает семейство и всех. Последняя сцена. Мужики отца его бунтуют, он идет на помощь. Уезжает. Пугачев разбит. Молодой Шванвич взят. Отец едет просить. Орлов. Екатерина. Дидерот. Казнь Пугачева⁷².

В этом плане, можно еще заметить попытку Пушкина вывести Дидро в романе а еще что главным героем всегда является Шванвич.

Как Шванвич, Башарин тоже историческое лицо, имя которого можно найти в летописях и архивах восстания, но у них были совершенно разные сношения с Пугачевым. Так, Шванвич был настоящим изменником наказанным в ссылку за предательство, а Башарин просто был пленником Пугачева жизнь которого вождь бунта спас из-за того, что солдаты самозванцу попросили не убивать их офицера потому, что он был хорошим, добрым человеком.

Это событие Пушкин точно описал в его работе «Истории Пугачева». Для того, чтобы рписать все эти события, он ипользовал исторический матерьял и документы из архивов. Вот точно описание этой исторической цены. Оно находится в Главе Четвертой, именно в части о взятии Ильинской крепости. Вот

⁷² *Ibid.* (А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том 6 Страница 211)

ОНО:

Ему представили капитана Камешкова и прапорщика Воронова. История должна сохранить сии смиренные имена. «Зачем вы шли на меня, на вашего государя?» – спросил победитель. – «Ты нам не государь, – отвечали пленники, – у нас в России государыня императрица Екатерина Алексеевна и государь цесаревич Павел Петрович, а ты вор и самозванец». Они тут же были повешены. – Потом привели капитана Башарина. Пугачев, не сказав уже ему ни слова, велел было вешать и его. Но взятые в плен солдаты стали за него просить. «Коли он был до вас добр, – сказал самозванец, – то я его прощаю».

В этом описании, два интересных пункта. О первом пункте, мы уже говорили. Это тот факт, что Башарин реально существовал и реально был спасан от смерти Пугачевым благодаря солдатам. Но очень интересно еще заметить, что описание убийств офицеров которое можно читать в романе «Капитанской дочке» и это описание из «Истории Пугачева» и именно отказ офицеры назвать самозвонца императором или царем очень сильно похожи друг на друга : «Ты нам не государь, (...) ты вор и самозванец»⁷³.

Замена Шванвича Башарином имеет большое значение в истории замысла творения ибо таким образом смысл всего романа меняется : главный герой больше нет союзника Пугачева, дворянина-изменника, а нежелающий свидетель его преступники.

⁷³ «Который комендант?» — спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузмича. Пугачев грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твердым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!» Пугачев мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На ее перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке веревку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузмича вздернутого на воздух. Тогда привели к Пугачеву Ивана Игнатъича. «Присягай» — сказал ему Пугачев — «государю Петру Феодоровичу!» — Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатъич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец! — Пугачев махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника. Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей.

Капитанская дочка, Глава VII Приступ

Башарин в 1772 г. отцом своим привезен в Петербург и записан в гвардию, за шалость послан в гарнизон. Он отправился из страха отцовского гнева. Поощажен Пугачевым при взятии крепости и отряжен с отдельной партией в Симбирск под начальством одного из полковников Пугачева. Он спасает отца своего, который его не узнает. Является к Михельсону, который принимает его к себе, отличается против Пугачева, принят опять в гвардию, является к отцу в Москву, идет с ним к Пугачеву.

Башарин отцом своим привезен в Петербург и записан в гвардию. За шалость сослан в гарнизон. Он отправился из страха отцовского гнева. Поощажен Пугач. при взятии крепости, произведен им в капитаны и отряжен с отдельной партией в Синбирск под начальством одного из полковников Пугач. Он спасает отца своего, который его не узнает. Является к Михельсону, который принимает его к себе; отличается против Пугач. — принят опять в гвардию. Является к отцу в Москву — идет с ним к Пугач. —

Старый комендант отправляет свою дочь в ближнюю крепость;

Пуг. взяв одну, подступает к другой — Башарин первый на приступе

Требует в награду⁷⁴

Причины отказа Пушкина от первоначального замысла делать героем дворянина-предателя долго оспаривались. Об этом что-то уже напасали, когда мы уточнили, что план 31 января 1833 г, явился последним планом, записанным Пушкиным до его знакомства с архивными материалами, но все это надо еще уточнить с дополнительными примечлениями. Мы об этом поговорим дальше, точно в номере 3 этой части (о истолкованиях отказа Пушкина сделать героем дворянина-пугачевца).

После этого плана, Пушкин еще написал другие. Так, до нас еще дошли три других планах.

Два первых из этих последних планов можно считать только дополнительные, но можно заметить во втором фигуры изувеченного котоуоу в

⁷⁴ А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том 6 Страница 210

совершенном романе тоже будет, но как второвопланный персонаж. Вот эти два плана :

Старый комендант отправляет свою дочь в ближнюю крепость. Пугачев, взяв одну, подступает к другой. Башарин первый на приступе. Требуется в награду...

Башарин дорогою во время бурана спасает башкирца (le mutilé {изувеченного. (Франц.)}. Башкирец спасает его по взятии крепости. Пугачев щадит его, сказав башкирцу: «Ты своею головою отвечаешь за него». Башкирец убит. Etc⁷⁵.

В последнем плане с Башарином датированный 28 октября 1834 г. появились муж и жена «Горосовы» которые будут в будущем романе капитан и его жена, то есть родители Маши.

Валуев приезжает в крепость. Муж и жена Горисовы. Оба душа в душу. Маша, их балованная дочь (барышня Марья Горисова). Он влюбляется тихо и мирно. Получают известие, и капитан советуется с женою. Казак, привезший письмо, подговаривает крепость. Капитан укрепляется, готовится к обороне, подступает (?). Крепость осаждена. Приступ отражен. Валуев ранен, в доме коменданта. Второй приступ. Крепость взята. Сцена виселицы. Валуев взят в стан Пугачева. От него отпущен в Оренбург. ——— Валуев в Оренбурге. Совет. Комендант. Губернатор. Таможенный смотритель. Прокурор. Получает письмо от Марьи Ивановны.⁷⁶

В этой последнем плане, ими менялись, но сделанна Пушкиным главная замена героя предателя героем невольным свидетелем восстания осталась и это очень важно.

Для всех крупнейших пушкинистов, решающим моментом эволюции замысла романа является отказ Пушкина сделать главным героем дворянина-пугачевца. Но причина (или причины) по которой (или которым) Пушкин выбрал сменить первоначальный план давно осталась (или осталась) спорный вопрос среди специалистов.

В статье называемой «исторический роман о народном войне»

⁷⁵ *Ibid.*

⁷⁶ А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том 6 Страница 211

опубликованной в 1984 г., критик Макогоненко представил проблематику и спрашивает вопросы следующим образом: «Что определило отказ Пушкина? Чем он вызван? Почему в конце концов он остановился на фигуре дворянина-офицера, верного присяге и долгу, но в силу ряда обстоятельств оказавшегося связанным с Пугачевым? Почему Пушкину казался необходимым именно такой герой, который к тому же и был сделан летописцем восстания?»⁷⁷

В той же статье, Макогоненко объясняет, как на вопрос причины (или причин) отказа Пушкина сделать героем дворянина-пугачевца, пушкинисты ответили вообще только двумя образами взаимоисключительными стараясь доказать либо, что цензурой явилась главная причина отказ, либо желанием Пушкина сочинить реалистического героя для своего романа который он хотел чтобы он был историческим.

Так, по мнению известного пушкиниста Ю. Оксмана, в «Капитанской дочке», Пушкин использовал разные техники, трюки, литературные хитрости, для того, чтобы обходить цензуру, одним из самых эффективных из них явилось его сочинение не только персонажа Гринёва а еще персонажа Швабрина. И так, по мнению Оксмана, эволюция персонажа Гринёва просто объясняется по цензурным причинам.

Основательная идея Оксмана оказывается следующая: главная цель Пушкина — написать творение о бунте Пугачёва. Из этого мнения следует объяснение отказа Пушкина сделать героем дворянина-изменника Оксманом по цензурным причинам. Так, он пишет: «Пушкин не мог рисковать гибелью в цензуре своего романа о Пугачёве < . . . > этот роман приходилось приспособлять к цензурно-полицейским требованиям с помощью целого ряда сложнейших литературнотактических перестроек и ухищрений».

На то, что касается главного желания Пушкина написать прежде всего романа о Пугачёве, можно сказать, что у Якубовича одна и та же точка зрения как у Оксана. Хотя он не говорит ни одного слова об Оксмани, очевидно, что, на этом сюжете, их мнения одинаковы. Так, во второй части его статье о «Капитанской дочке» и романах Вальтера Скотта, Якубович пишет: «Образ

⁷⁷ Макогоненко Г. П. Исторический роман о народной войне // Пушкин А. С. Капитанская дочка. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. — С. 202. (Лит. памятники).

Пугачева привлекал внимание Пушкина еще с 1824 г. Он интересовался „Жизнью Емельки Пугачева“, как и жизнью „Сеньки Разина“. В 1827 г. шеф жандармов Бенкендорф „разъяснил“ поэту, что „церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева“. Но Пушкин продолжал лелеять мысль о художественном воплощении пленявших его образов. Он собирал песни об обоих и, надо думать, уже в самом начале 30-х годов, после срыва „Арапа Петра Великого“, намечал в герои нового исторического романа — Пугачева.⁷⁸»

Правда, что, по сравнению со всеми именами персонажей романа, единственное имя которое никогда не меняется — имя историческое лицо Пугачева. Это доказывает, что, имеено как думает например Марина Цветаева, он на самом деле является настоящим главным героем романа (об этом мы поговорим по позже в деталях). Это точно заметил Якубович, который еще пишет: «Во всяком случае уже в самом раннем из планов „Капитанской Дочки“¹ прозвучало имя ближайшего соратника Пугачева, также преданного церковью анафеме, — А. П. Перфильева. С ним, по первоначальному намерению Пушкина, должен был встретиться сосланный за буйство в деревню герой, носящий здесь, как и в других начальных планах, фамилию Шванвича. » Хотя сюжет его изучения не эволюция персонажа Гринева, и хотя он не цитирует Оксмана в его труде и не о нем не говорит, очевидно, что у него тоже есть это мнение, что из самого начала, цель Пушкина была написать произведение именно о бунте Пугачева и о лице Пугачева. Таким образом, можно думать что у Якубовича такая же основная позиция как у Оксмана.

Исторические исследования Пушкина прежде всего влияли на образ который он формулировался о своем главном герое и о его мотивах и целей. До того, как Пушкин имел много точных информации о пугачевском бунте от архивных материалов и от прямых свидетельств, он считал вероятным существование героя дворянина-пугачевца. Но изучав историю бунта Пугачева в деталях, он понял что дворяне и крестьяне не могут быть в одной стороне. Так, он писал в «Общих замечаниях» об «Истории Пугачева» :

⁷⁸ Д. П. Якубович "Капитанская дочка" и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 167.

Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало <...>. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны.⁷⁹

Это понятно Пушкиным, ему больше не казилось вероятным

«Зато, поддерживаемый открывшейся возможностью работать в архивах по документам и, главное, живыми впечатлениями, собранными во время поездки по Уралу, Пушкин набрасывает новые планы романа о „пугачевщине“, где герой из Башарина превращается в Валуева, где появляется Швабрин и где всё определеннее занимает место фигура самого Пугачева⁸⁰.»

С точки зрения отношений между фактом и вымыслом, история эволюции персонажа Гринева очень интересна. Так замечательно, что настоящий человек — Шванвич, который на самом деле существовал, который наказан был, даты жизни которого нам известны, замечательно, что такой настоящий человек казался меньше вероятным Пушкину и его современникам чем вымышленный персонаж — Гринева. Это могло бы звучать парадоксально. Но, как уже продемонстрировано, это можно объяснить прежде всего из того, что изучав историю пугачевского восстания, Пушкин пришел к выводу, что дворянин-пугачевец не вероятный тип. Тем более Пушкин исследовал о пугачевском бунте тем сильнее ему казалось, что место Пугачева в его будущем романе должно было быть поставлено на первом плане.

⁷⁹ «Общие замечания», которыми снабдил Пушкин «Историю Пугачева» для Николая I, свидетельствуют о глубоком переломе, который произошел во взглядах Пушкина в ходе изучения материалов крестьянской войны под руководством Пугачева. Пушкин писал: «Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало <...>. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны» (ДС, 375). Именно то, что в основе поведения людей, как теперь считает Пушкин, лежат «интересы», позволяет объединить всех дворян, без различия их идейно-интеллектуального уровня, степени свободолюбия или сервилизма, в один общий с правительством лагерь, противопоставленный «черному народу». Типизация художественного образа приобрела отчетливо социальную окраску. Это, в свою очередь, наложило отпечаток на всю идейно-художественную структуру повести. Ю. М. Лотман ИДЕЙНАЯ СТРУКТУРА "КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ" (Лотман Ю. М. Пушкин. - СПб., 1995. - С. 212-227)

⁸⁰ Д. П. Якубович "Капитанская дочка" и романы Вальтера Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 168.

Пушкин считал более вероятно делать главным героем романа вымышленного персонажа ценности которого полно совпадают с ценностями своего социального класса. Иными словами, сделать героем дворянина-изменника было бы не вероятным и это причина по которой Пушкин отказал от этой первой замысли. Правда, что такое предатель на самом деле существовал. Об этом, Пушкин знал лучше всех. Но все равно, такой пример аказался так странным а даже невероятным всем, так Пушкин сменил идею. Итак, с помощью вымышленному персонажу, Пушкин смог описать вероятного типа русского дворянина эпохи пугачева и таким образом, с помощью вымыслелей достигать свою цель писать реалистический роман. Вывод следующий : вымысел часто, а даже может быть всегда, вероятнее самой реальности.

Звучит парадоксально? Может быть, Но в других видах искусства тоже так и бывает, особенно в кино и точнее в сфере звука в кино.

Так с точки зрения этого поиска вероятности с помощью вымысла или вообще искусства, абсолютно одинаковым являются эта работа Пушкина и работа шумовика в кино.

Почему работа Пушкина напоминает работу шумовика? Потому, что не существует ни одного профецонального фильма в котором все шумы и звуки были бы природные. В кино, все звуки искусственны, разработанны звукорежиссором и шумовиком. Почему? Именно по такой же причине по которой Пушкин предпочитал сочинять вымышленного персонажа чем рассказывать повестить об исторического человека : потому, сто искусственный звук более вероятен природного.

И это даже может быть таким в других областях жизни! Так, здесь можно просто констатировать, что вымышленный, искусственный мир просто вероятнее настоящего. Часто ложь или абман считается более вероятным чем правда! Сам Пукин написал в стихотворении «Герой» (1830):

«Тьмы низких истин мне дороже

С точки зрения факта и вымысла это конечно важно потому, что это доказывает, что, во многих ситуациях, сам вымысел вероятнее реальности!

2.2.1.2. Связанный с Гриневым персонаж - Швабрин

По мнению Ю. Оксмана, один невольный пугачёвец, трактуемый как злодей и предатель, был нужен Пушкину только как «громоотвод, чтобы охранять от цензурно-полицейской грозы положительный образ другого».

Персонаж Швабрина — злодей романа. Много критиков, как например Мишель Окутюрье, написали, что этот персонаж менее интересный других персонажей злодея русской литературы, как отрицательных персонажей романов Достоевского или Лермонтова⁸¹, например, потому, что у него характер не так сложный как у этих других.

Вот именно спорный пункт! Да, характеры у них разные. Да, у Швабрина видимо не сложный характер. Но это не значит что он неинтересный, и прежде всего не реалистический. Такие люди бывают. Можно найти много примеров пороков на этих людей в психологических трудах. Так этот персонаж очень близок к совершенному портрету настоящему социопату. С этой точки зрения, он тоже является типичным. Кроме того, и надо это подчеркнуть, и это заметил Мирский, что Швабрин вообще «единственный у Пушкина негодяй»⁸².

Так важно обратить внимание на этого персонажа.

Он злодей. Сам Гринев его называет «мерзавцом»⁸³ и с ним сдвратся на дуэли, после того как он сначала считал его веселым, а потом неприятным :

С А. И. Швабриным, разумеется, виделся я каждый день; но час от часу беседа его становилась для меня менее приятною. Всегдашние шутки его насчет семьи коменданта мне очень не нравились, особенно колкие замечания о Марье Ивановне.⁸⁴

⁸¹ Préface à *La fille du Capitaine*, édition de Michel Aucouturier, p.31

⁸² *Мирский Д. С.* Проза Пушкина // История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. — London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. — С. 186—191.

⁸³

⁸⁴ С. 23

О нем, Маша говорит :

Он такой насмешник! Я не люблю Алексея Иваныча. Он очень мне противен; а странно: ни за что б я не хотела, чтоб и я ему также не нравилась. Это меня беспокоило бы страх⁸⁵.

Швабрин – очень отрицательный персонаж. Правда что у этого персонажа не такая сила как у шекспировского «Четного Яго», Яго по много хуже Швабрина. Он по много коварный. Всегда действует скрыто. Однако со некоторых сторон, Швабрин напоминает его. Он тоже ревнует и тоже без никакого морального качества. Так, он отрицательный. У Оксмана есть очень замечательное, убедительное, истолкование сочинения такого персонажа однозначного злодея Пушкиным : по мнению пушкиниста, такой совершенный отрицательный персонаж автору было надо для того чтобы цензура не обратила слишком аккуратного внимания на связи главного героя романа с мятежником Пугачевом.

Иными словами, по истолкованию Оксмана, такое отрицательное лицо играло роль «защитника» всего романа от цензуры. Точно, по его словам, оно было нужно Пушкину как «громоотвод, чтобы охранять от цензурно-полицейской грозы положительный образ другого».

Может быть это причина по которой Швабрин так однозначный отрицательный персонаж. Правда что Швабрин моноблок: кажется, что у него не одного качества! У него только недостаток. Даже на физическом плане. Он верный только злу и по фигуру, физически, некрасивый.

1.2.3 Капитанская дочка — героиня одноимённого романа.

С точки зрения типологии персонажей Теренса Парсона, персонажа главной героини Марьи Ивановны Мироновы относится в полностью к категории *местных* персонажей. Так Маша является чистым типом *местного* персонажа - абсолютно вымышленный персонаж.

Хотя, факт, что персонаж вымышленный абсолютно не значит, что

⁸⁵ с. 27

персонаж не вероятный, как мы будем обсуждать дальше. Но, правда еще, что вообще у персонажа Маши нет такой замечательный характер как например у татьяни «Евгеного Онегина». Это не главная причина по которой Чайковский не сочинял оперу от «Капитанской дочки», но это одна из них. Так он о персонаже Маши написал: «Героиня, Мария Ивановна, недостаточно интересна и характерна, ибо она безусловно добрая и честная девушка и больше ничего, а этого для музыки недостаточно⁸⁶.»

Вот как нарратор рассказывает свою первую встечу с Марьей Ивановной:

Тут вошла девушка лет осмнадцати, круглолицая, румяная, с светлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши, которые у ней так и горели. С первого взгляда она не очень мне понравилась. Я смотрел на нее с предубеждением: Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенную дурочкою. Марья Ивановна села в угол и стала шить.

Первая встреча Гринева с Машей поскольку напоминает известный инципит будущего романа Луи Арагона « Орельен» («Когда Орельен в первый раз увидел Беренику, она показалась ему совсем некрасивой. Вообще не понравилась. От ее туалетов коробило⁸⁷»). Это противоположность любви с первого взгляда. Просто не замечательная встреча, которая возможно способствует дать реалистический тон, реалистическую атмосферу роману.

Еще другой элемент реализма — влияние отрицательного персонажа под которым тогда оказывается нарратор. Как ему удалось объективно видеть после того как Швабрин ему сказал такие неправды?

2.2.2. Пугачев

Факт, что Пугачев, для некоторых критиков и артистов, самый главный характер романа – а не капитанская дочка, Маша, или нарратор, молодой Петр

⁸⁶ см. Письмо П. И. Чайковского к вел. кн. Константину Константиновичу. 30 мая 1888 г. — Там же, с. 643—644.

⁸⁷ «La première fois qu'Aurélien vit Bérénice, il la trouva franchement laide. Elle lui déplut, enfin. Il n'aima pas comment elle était habillée. » Louis ARAGON, Aurélien (1944), incipit.

Гринев – хорошо известен (хотя это не значит что персонаж Гринеч и именно история его сочинения Пушкина не интересна – наоборот). Например, в ее эссе называемом «Пушкин и Пугачев» (1937), Марина Цветаева пишет:

В «Капитанской дочке» единственное действующее лицо — Пугачев. Вся вещь оживает при звоне его колокольчика. Мы все глядим во все глаза и слушаем во все уши: ну, что-то будет? И что бы ни было: есть Пугачев — мы есьмы⁸⁸.

По мнению композитора Чайковского тоже, самый главный образ романа - Пугачев а это имеенно причина по которой ему было невозможно сочинять оперу из шедевра Пушкина из-за проблем которые такая задача ему бы водила со стороны цензуры.

2.2.2.1. Первое появление Пугачева

Первый раз читатель – так как и сам нарратор – встречается с персонажем Пугачева, ему не известен не только кто он на самом деле в этот момент (заключенный, сбежавший из тюрьмы), а еще, конечно, кем он потом станет – самозванцем. Как уже сказано, конечно, можно здесь узнать скоттовский прием, но дело теперь больше не в этом. В тот момент, персонаж просто представлен как «вожатый». Кстати, «Вожатый» именно название второй главы романа, где встречаемся первый раз с этим персонажем.

Самый первый образ Пугачева кратчайшей: «что-то черное.⁸⁹» Можно еще заметить, что первый персонаж который его замечает в буран и который его так квалифицирует - именно такой персонаж у которого будет специальное отношение с ним в романе, отношение которое много критиков и специалистов по литературоведению очень глубоко исследовали и этим персонажем является герой и нарратор романа, сам Петр Гринев.

⁸⁸Цветаева М. Пушкин и Пугачев. 1937. — Там же, с. 138—139

⁸⁹ с.193

После того как ящик сказал, что эта форма не смогла быть (то есть она не смогла быть не воз, не дерево), он говорит, что эта форма может быть: «или волк, или человек».

Мало слов, но может быть большое значение в метафорическом смысле. Когда известно что этот персонаж – сам Пугачев, то есть преступник, убийца, тогда можно думать что эти слова ящика могли бы как типа предсказания о том, что потом случается в повести. Этот человек является обо человеком и крововым волком. Человек человеку волк. А именно он будет поступить как и волк человеку. Но не ко всем! Особенно не к герою романа и ее любовью. И так именно лежат самые интересные вида персонажа.

Давай вернемся к «черное» лицо, человек или волк, который «чернуется». Пушкин использует следующие термины для того, чтобы описывать Пугачев: «что-то черное» ; «Незнакрмый предмет»; «воз не воз, дерево не дерево»; «или волк или человек»; «кажется, что шевелится».

Несколько критиков напсаили, что Пугачев – образ души России. Для Мишеля Окутюрье например, роман Пушкина является чем-то совсем другим чем простая повесть об отдаленном историческом эпизоде: это вдохновенное произведение настоящая тема которой Россия глубин и ее увлекательная тайна, этот русский Сфинкс которого в буране снега Революционы упоминает другой поэт — Александр Блок⁹⁰. Для него образ Пугачева — образ корны России, который просветительный русский читатель 19го века открывает для себя читая этот рома.

Здесь ситуация в которой в буране, в мутном кружении метели, встанет незнакомый черный предмет можно приближаться к фантастической атмосфере. Короткое воспоминание готийского романа? Таким образом, это еще можно напоминает известные слова Черчилля о России : «Россия — это окутанная тайной загадка внутри чего-то непостижимого» (*a riddle wrapped in a mystery inside an enigma*). Здесь именно возникает окутанная тайной загадка

⁹⁰ Michel Aucouturier

« (...) autre chose qu'un simple récit sur un épisode historique lointain : une œuvre inspirée, dont le véritable sujet est la Russie des profondeurs et son mystère fascinant, ce Sphynx russe qu'évoquera, dans la tempête de neige de la Révolution, un autre poète, Alexandre Blok. »

(неизвестный чернеющий предмет) внутри чего-то непостижимого (буран и метель). А это герой везде ищет: «Я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения мятели⁹¹...»

Потом незнакомый человек стал «вожатым». Пушкин так пишет его портрет двумя штрихами : «черн[ая] бород[а] и два сверкающие глаза». То есть персонаж всегда в темноте, в том числе в метафорическом смысле. Он похож на человека которого герой увидел в соне характеризующегося черной бородой и улыбкой.

2.2.2.2. Пугачева Марипы Цветаевы

Пугачев – персонаж типа субститута ? В предисловии к французскому издательству Капитанской дочке (в издательствах «Фолио Классик») Мишель Окутюрье пишет, что Марина Цветаева устроящая оппозицию между Пугачёвом романа с историческим Пугачевым выступает за то, что поэту разрешено предпочитать иллюзию от реальности. Она цитирует стихотворение Пушкина «Герой» (1830)

«Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...»

И так она пишет:

О Наполеоне Пушкин это сказал.

С Пугачевым он это сделал.

По окончании «Капитанской дочки» у нас о Пугачеве не осталось ни одной низкой истины, из всей тьмы низких истин – ни одной.

Чисто.

И эта чистота есть – поэт⁹².

(...)

Пугачев Пушкина для нее ничего общего не имеет с историческим

⁹¹ Глава вторая, Вожатый

⁹² Марина Цветаева, *Мой Пушкин*, Ванв, 1937

Пугачевом, однако, персонаж живой:

Пушкинский Пугачев, помимо дани поэта — чаре, поэта — врагу, еще дань эпохе: Романтизму. У Гете — Гетц, у Шиллера — Карл Моор, у Пушкина — Пугачев. Да, да, эта самая классическая, кристальная, и как вы ее еще называете, проза — чистейший романтизм, кристалл романтизма. Только *те* своих героев искали и находили либо в дебрях прошлого, этим бесконечно себе задачу облегчая и отдаленностью времени лишая их последнего правдоподобия, либо (Лермонтов, Байрон) — в недрах лирического хаоса, — либо в себе, либо в нигде, Пушкин же своего героя взял и вне себя и из предшествующего ему поколения (Пугачев по возрасту Пушкину — отец), этим бесконечно себе задачу затрудняя. Но зато: и Карл Моор, и Гетц, и Лара, и Мцыри, и собственно пушкинский Алеко — идеи, в лучшем случае — видения, Пугачев — живой человек. Живой мужик. И этот живой мужик — самый неодолимый из всех романтических героев. Сравнимый только с другим реалистическим героем, праотцом всех романтических: Дон-Кихотом⁹³.

То есть, с точки зрения анализа по критериям Теренса Парсонса, кажется, что по мнению Марины Цветаевой, персонаж Пугачева является *зсубститутом* в полном смысле этого понятия.

Это не мнение Мишеля Окутюре, который думает наоборот что Пушкин выбрал (сделать) сочинять героя своего романа из исторического лица. Поэт здесь не против историка. Особенно когда поэт и историк — одно и тот же лицо! Один и тот же человек — сам Пушкин.

Так Мишель Окутюрье пишет, что «Капитанская дочка» была написана от «Истории Пугачева» с самым строгим уважением Пушкиным к реальности и к фактам, которые он сам собирал во время его исследований по бунта Пугачева. Но в отличие от романа, в «История Пугачева», Пушкин просто рассказывает факты, пишет Мишель Окутюрье. А в романе, он использует эти факты для того, чтобы сочинять персонажа чувства и мотивации которого он пытается глубоко понять и себе представить.

⁹³ Цветаева М. Пушкин и Пугачев. 1937. — Там же, с. 138—139.

Часть 3

Об «Учителе Фертования»

3.1 О персонажах романа

Учитель фехтования – исторический роман, но в отличие от большинства романов Вальтера Скотта или Капитанской дочки его героя вскоре были идентифицированы как реальные действительные лица, а роман как ключевой роман.

3.1.1 Ключевой роман

Учитель фехтования – молодежный роман Дюма, который по мнению Элизабет Клости Божур больше похож на его путевые заметки⁹⁴. Основываясь на издании романа 1851 года, состоящем из 312 страниц, она оценила, что только 36% романа на самом деле посвящено приключениям героев или восстанию декабристов, и что, если не считать чисто вымышленных отрывков как "нападения волков" или "снежной бури", тогда главная повесть приходится на 27% повествования. Остальная часть романа посвящена местному колориту и истории. Длительные беседы между персонажами романа и историческими персонажами включены в романе согласно традиции Вальтера Скотта.

В основном роман состоит из трех групп персонажей: главные герои, которыми являются Гризье (нарратор), Луиза и граф Алексей, исторические лица, с которыми героям иногда приходится встречаться, и второстепенные персонажи, придающие трагическое или комическое освещение.

С точки зрения соотношения фактов и вымысла, все эти персонажи в

⁹⁴ Elizabeth Klosty Beaujour, «Dumas's Decembrists: Le Maître d'armes and the Memoirs of Pauline Annenkova », The Russian Review, Jan. 2000, Vol. 59, No. 1 (Jan. 2000), p 39.

значительной степени содержат придуманные элементы когда они не являются чистым изобретением, как второстепенные персонажи. Сравнение исторической реальности с вымыслом не всегда легко, но в случае некоторых из этих персонажей это возможно.

Настоящий Грizzle описывается Шоппом как « саблезуб и ганаш⁹⁵», что не очень лестно. Тем не менее, человек написал книгу о дуэли и занял позицию по ее запрету.

Дюма делает его одним из своих типичных героев. Нарратор сначала влюблен в Луизу, но очень скоро узнает, что она уже любит кого-то другого. Главная любовная интрига-это история пары, которую она формирует с графом Алексеем. Таким образом, Грizzle станет тип романтического служащего рыцаря, верным другом Луизы и Алексея, благодаря которому он проведет собеседование с великим князем Константином, которое позволит ему получить должность мастера оружия в царской армии. Эта встреча, скорее, является конфронтацией, которая позволяет Дюма нарисовать в Грizzle характер героя, типичного для его будущих романов: смелый, храбрый, вежливый, победительный и имеющий смысл юмора.

Персонаж графа Алексея изображается как молодой аристократ, которому все наскучило, и он из отчаяния, смешанного со скукой, участвует в заговоре, который не может убедить его, что это заговор будущих декабристов. Мы подробно рассмотрим этот аспект дальше, в части, посвященной восстанию в романе. То, как он ухаживает за Луизой, и отказ, который она ему отвергает, вымышлены, как настоящая Полина пишет об этом в своих мемуарах.

Самый интересный персонаж, который нужно изучить с точки зрения соотношения фактов и вымысла в этом романе, - это персонаж Луизы. Во-первых, потому, что она является настоящей главной героиней романа, а во-

⁹⁵ « Sabreur et ganache » Claude Schopp, « Alexandre Dumas, Le Génie de la vie », Paris, Fayard, 1985, p. 510.

из

Elizabeth Klosty Beaujour, « Dumas's Decembrists: Le Maître d'armes and the Memoirs of Pauline Annenkova », The Russian Review, Jan. 2000, Vol. 59, No. 1 (Jan. 2000), p 38.

вторых, потому, что, если историческая документация позволяет сравнить фигуры Екатерины II, Потемкина, Павла I, Паульена, Александра, Великого князя Константина и Николая I, какими они появляются в романе и какими являются исторические документы мы представляем их, их роль в романе остается довольно второстепенной, хотя, как обычно в историческом романе, судьбы героев зависят от их решений. Персонаж Луизы более интересен, потому что его можно сравнить с прототипом, который послужил для нее источником вдохновения, Полиной Анненковой. Действительно, она почувствовала себя опозоренной Романом и написала целую книгу, чтобы опровергнуть рассказ Дюма. Так что именно этого персонажа мы будем интересоваться больше всего в деталях.

3.1.2. Луиза - рабская героиня в смутном времени восстания Декабристов

На что касается изучения персонажей с точки зрения литературной теории возможных миров а именно использования классификации Теренса Парсонса в частности, персонаж Луизы является наиболее интересным из всех персонажей романа. На наш взгляд, это даже школьный случай. Действительно, изучение этого персонажа и исторической фигуры, на которую он опирается, позволяет поднять практически все фундаментальные вопросы и вопросы, поставленные в теории.

Литературная теория возможных миров – это, по сути, онтология, которая постулирует существование "бумажных существ", при этом обычно выдвигается доказательство того, что персонаж, созданный в романе или художественном произведении в целом, может прекрасно найти себя в одном или нескольких других произведениях, даже увидеть, как он мигрирует в наш реальный мир через экран. из выражений: "это Гарпагон. Но какой Тартюф ! Я не супермен ! " И т. д. Но на то, что касается Луизы, этот персонаж настолько

вышел из литературного мира, из которого он происходил, что оказал значительное влияние на действительного лица, на которого он был вдохновлен в реальном мире. Действительно, как только он появился, хотя и был запрещен имперской цензурой, « мастер оружия » быстро стал известен в России, где он скрывался. Еще в 1840-1841 годах об этом стало известно декабристам. В то время, например, И. И. Пушкин писал И. Д. Якушкину, что он ожидает копию книжки¹. Тогда роман был явно воспринят как ключевой роман героини которого Луиза и Алексей явились на самом деле графом и графиней Анненковыми. В некоторых русских переводах романа, доступных в интернете, можно, кстати, заметить, что имя Ванинкова было просто заменено именем Анненкова !

Этот факт крайне огорчил супругов Анненкова. Мало кто об этом знает, тем более что в книге « в России – впечатления от путешествий » Дюма изобразил свою встречу с Анненковым в Нижнем Новгороде как приятный сюрприз.

Само собой разумеется, что мой герой и моя героиня хватали меня весь вечер, вернее, я хватал их. Тогда Анненков рассказал мне о своих приключениях (...)⁹⁶

Но на самом деле графиня была крайне недовольна этой встречей и даже не хотела, чтобы ей говорили о Дюма. Ее внучка Е. К. Гагарина даже говорит, что бабушка никогда не прощала Дюма этого романа и что она нервничала, как только ей об этом говорили⁹⁷.

Именно огорчал графиню факт, что Дюма изображает ее как парижскую "грязетку".

Женщины обладают одной удивительной способностью, свойственной только им, способностью, так сказать, преображаться. Передо мною была обыкновенная парижская грязетка, которая по воскресеньям ходила, вероятно, танцевать в «Прадо». Но достаточно было пересадить ее, как растение, на другую почву, чтобы она расцвела среди окружающей ее роскоши и богатства. Можно было подумать, что она родилась в этой обстановке. Я был хорошо знаком с

⁹⁶ С. 607-608.

⁹⁷

представительницами того почтенного класса, к которому она принадлежала, но не находил в ней ничего, что напоминало бы о ее низком происхождении и об отсутствии у нее должного воспитания.

Перемена была настолько разительна, что при виде этой красивой женщины, причесанной на английский манер, ее простого белого пеньюара и крошечных турецких туфель, при виде, наконец, ее грациозной позы, словно нарочно выбранной художником, чтобы писать ее портрет, я смело мог вообразить себя в будуаре какой-нибудь элегантной аристократки из Сен-Жерменского предместья, но никак не в задней комнате модного магазина⁹⁸.

Мало сказать, что это описание очень сильно огорчило графиню Анненкову. Если встреча молодого аристократа и "гризетки", народной девушки, очень романтична и приятна, особенно для читателя девятнадцатого века (то стоит подумать о шедевре Дюма сына, «Дама с камелиями», великолепно поставленном Верди на музыку в Травиате, например⁹⁹), графиня так не истолковала. Ясно, что она чувствовала себя униженной этим портретом, на котором ее брак с графом был изображен как мезальянс. И. И. Пушкин также считает, что Дюма отнял у молодой женщины единственное, чем она обладала, – ее честь и запятнал ее репутацию, когда она была абсолютно честным человеком¹⁰⁰.

Но влияние, которое этот вымышленный персонаж оказал на реальную жизнь Полины Анненкавы, намного превосходит простое недовольство, поскольку графиня чувствовала себя вынужденной писать мемуары, в частности, чтобы опровергнуть портрет, нарисованный Дюма, и подтвердить свое аристократическое происхождение. Это подтверждают не только ее труды, но и тот факт, что она прекратила пересказ своих мемуаров во время 1830-х

⁹⁸ Les femmes ont une faculté merveilleuse et qui n'appartient qu'à elles, c'est celle de se transformer, si l'on peut parler ainsi. J'avais sous les yeux une simple grisette de la rue de la Harpe; il y a quatre ans, cette grisette allait sans doute encore, tous les dimanches, danser au Prado et à la Chaumière : eh bien ! il avait suffi à cette femme d'être transportée, comme une plante, sur une autre terre, et voilà qu'elle y fleurissait au milieu du luxe et de l'élégance, comme si elle était sur son sol natal ; et voilà que moi, si familier que je fusse avec les-gestes et les habitudes de cette estimable classe de la société dont elle faisait partie, je ne retrouvais rien en elle qui rappelât la vulgarité de sa naissance et l'irrégularité de son éducation. Le changement était si complet, qu'en voyant cette jolie créature avec ses longs cheveux à l'anglaise, son simple peignoir de mousseline blanche et ses petites pantoufles turques, à demi couchée dans la pose gracieuse que lui eût imposée un peintre pour faire son portrait, j'aurais pu me croire introduit dans le boudoir de quelque élégante et aristocratique habitante du fanbourg Saint-Germain, et je n'étais pourtant que dans l'arrière-boutique d'un magasin de modes.

p. 126 Oeuvres complètes d'Alexandre Dumas, Le maître d'armes, BNF,

⁹⁹ Кстати, во воспоминаниях, она еще пишет, что ее мать запретила ей играть на театральной сцене.

¹⁰⁰ Elizabeth Klosty Beaujour, « Dumas's Decembrists: Le Maître d'armes and the Memoirs of Pauline Annenkova », The Russian Review, Jan. 2000, Vol. 59, No. 1 (Jan. 2000),

годов и депортации в Сибирь, что показывает, что ее целью было не рассказать о своей жизни, а только опровергнуть рассказ Дюма и восстановить правду. И. И. Пушкин в своем письме к И. Д. Якушину также уточняет, что с момента выхода романа Полина обратилась к своей матери во Францию с просьбой опровергнуть утверждения, написанные о ней в романе, опубликованном в отдельных частях в журналах¹⁰¹.

Еще один пример этих переходов между вымышленным миром и реальным миром можно найти в поведении Камиллы Леданту, которая уехала в Сибирь к Василию Петровичу Ивасеву, гувернанткой дочерей которого она была и в которого, по мнению Элизабет Клости Божур, влюбилась по примеру героини Дюма.

С более абстрактной точки зрения это случай доступности между двумя мирами, одним вымышленным, а другим реальным. Случай множественный, поскольку, с одной стороны, один из персонажей одного мира вызвал очень важную реакцию одной фигуры другого, а также потому, что два реальных существа встретились с тем, кто вдохновился ими, чтобы составить двух вымышленных персонажей. Мы не писали, что два персонажа встретились со своим автором. Действительно, это неправильно. Однако именно так Дюма излагает вещи в своих мемуарах !

Отношение Дюма к истории или реальности очень интересно. В «Учителе фехтования» используя, как мы видели, прием Скотта, Дюма заставляет читателя поверить, что он написал свой роман на основе мемуаров неизвестного персонажа. В конце романа мы узнаем, что этот персонаж «на самом деле» более серый. На самом деле мемуаров нет, и за фигурой рассказчика, пишущего от первого лица под маской Гризье, именно Дюма является автором этой книги, которая в значительной степени является выдумкой. Но любопытно отметить, что, когда он пишет свои собственные

¹⁰¹ Там же

воспоминания о путешествиях и мемуары, Дюма также пользуется большой свободой в отношении реальности, по крайней мере, когда говорит о своей встрече с супругами Анненкова.

Следует спорить об отношении Дюма к истории. Различие между реальностью и вымыслом у Дюма далеко не простая тема для обсуждения. Говорили, что иногда, если не часто, Дюма проявляют неуважение к истории. Андре Моруа, автор многочисленных предисловий к произведениям Дюма ("Три мушкетера", "путешествие по России"...), цитирует эту фразу: "история - гвоздь ... Шопп показал, что"¹⁰²

Однако, когда дело доходит до этого первого исторического романа, трудно не согласиться с Андре Моруа. Там, где Пушкин сосредотачивается на создании реалистичных вымышленных существ, таких как Гринев, Дюма мало волнует, реалистичен ли персонаж Луизы или нет. Реальная история в данном случае его не интересует, и можно сказать, что действительно, для него это « гвоздь »!

С точки зрения классификации Парсонса не всегда легко определить, является ли персонаж мигрантом или субститутом. Т. Павел, объясняя классификацию Парсонса, приводит в качестве примера персонажа Александра Дюма: Ришелье¹⁰³.

В случае с Полиной Анненковой сомнений нет. Вся историческая документация позволяет категорически утверждать, что персонаж Полины является суррогатом.

Персонаж представлен как « простая гризетка". Она пассивна и

¹⁰²

¹⁰³

довольствуется тем, что бросается к ногам императора. Она наивна, поскольку стала жертвой мошенника. Ее самая сильная черта характера - ее безоговорочная любовь к графу Алексису.

В своей статье, посвященной сопоставлению мемуаров Полины Анненковой с Романом Дюма, Элизабет Клости Божур напоминает, что этот первый роман Дюма не был написан.

"Для писателя встреча и общение с реальными людьми, которых он изобразил как воображаемых персонажей в рассказе, написанном восемнадцатью годами ранее, должны быть беспрецедентным опытом в литературе"¹⁰⁴ 1.

Работы Полины Анненковой и ее дочери Ольги показывают, что супругам Анненкова не понравилось, что Дюма изменил свою историю, назвав ее неточной документальной драмой¹⁰⁵ и ключевым романом².

Граф Ванинков - романс-версия лейтенанта Ивана Александровича Анненкова (1802-1878)

В третьей главе ее воспоминании есть часть, которая называется "роман Дюма". Вот что можно прочитать на странице 67

Если я вхожу в такие подробности моего детства и первой молодости, это для того, чтобы объяснить разные недоразумения на счет моего происхождения и тем прекратить толки либдей, не знавших правды, которую по отношению ко мне и моей жизни часто искажали, как, например, это сделал Александр Дюма в своей книге: «Mèmoires d'un maître d'arme [sic]», в которой он говорит обо мне и в которой больше вымысла, чем истины.

¹⁰⁴

¹⁰⁵ *docudrama*

Ее цель-продемонстрировать, что она благородного происхождения и что ее брак с Анненковым не только не был мезальянсом, но и был предопределен. В версии Дюма нарратор, Гризье и верный солдат сопровождают Луизу в Сибирь с имперским пропуском, позволяющим ей получить лошадей и транспортные средства раньше других. На самом деле у Полины такой помощи не было. Ее сопровождали только две прислуги, одна из которых была ненадежной. У нее даже не было компаньонки, которая могла бы сопровождать ее, как это было в случае с Камиллой Леданту¹⁰⁶.

В своих воспоминаниях Полина Анненкова защищает свое аристократическое происхождение, а также силу характера. Описывая свое детство, она рассказывает о том, как лазила по деревьям, подчеркивая «свой живой характер».

Она и брат дивились моей силе воли с. 63

Я, по живости своего характера с. 71

Наконец нас отвезли в Бове. Тут у матери моей было много кузин и знакомых. Нас очень обласкали и полюбили, особенно меня, вероятно, за мой веселый и живой характер. с. 60

Настоящая причина, по которой Полина не сразу согласилась на предложение Аннекова о браке, заключается в следующем :

Что заставляло меня особенно удаляться от Ивана Александровича, это ужасный пример в одной француженке, который был у меня в то время на глазах. Эта француженка, вышедшая замуж за русского (Полторацкого), была более чем несчастна с ним. Жизнь ее была так печальна, что она не выдержала и вскоре умерла. Ей казалось, что всякая иностранка, выходящая замуж за русского, подвергалась той же участи, какая выпала на ее долю. С сожалением смотрела на

¹⁰⁶ Там же, с.

меня эта несчастная женщина и всячески старалась предостеречь: «Берегитесь, душа моя, — повторяла она мне беспрестанно, — вы молоды и хороши, много соблазну ожидает вас, а мужчины русские так лукавы и так изменчивы». с. 68

Возможно, нет необходимости сравнивать все воспоминания Полины Аннековой с Романом, чтобы подчеркнуть большую часть художественной литературы, которую включает в себя Дюма. Однако также не следует судить о том, что творчество писателя совершенно причудливо.

Его роман основан на рассказе человек, который действительно жил в Санкт-Петербурге во время восстания декабристов, и кажется, что все, что написал Дюма, не обязательно полностью выдуманно. Что касается того, как персонаж графа Алексея на полуслове вызывает у Луизы ее участие в заговоре таинственным и пугающим образом, удивительно, что в воспоминаниях Полины Анненковой есть некоторое сходство. Таким образом, не все в характере Алексей полностью отрешено от реальности.

В то время я и не подозревала, что он участвовал в тайном обществе, но замечала только, что мать много отравляла ему жизнь, и это заставляло меня все более и более к нему привязываться. С другой стороны, меня стало осаждать собственное горе. Жизнь моя, до тех пор веселая и беззаботная, вдруг стала изменяться. Я встретила разные неожиданные неприятности в семье, где жила, а Иван Александрович все твердил мне про свою любовь, и я чувствовала тем женским инстинктом, которым одарила нас природа, что он говорил искренно. Наконец я поняла и сознала, что для меня уже невозможно счастье без него. Однажды вечером он пришел ко мне совершенно расстроенный. Его болезненный вид и чрезвычайная бледность поразили мщя. Он пришел со мною проститься и говорил: «Если б вы знали, что ожидает меня, то, вероятно, сжалились бы надо мною». Я не поняла тогда всего смысла его слов, но он уже предчувствовал свою судьбу.

Кроме того, Гризье, который рассказал свою историю Дюма, сам помог

Полине материально

В это время я познакомилась с Гризье, бывшим учителем фехтования в Москве, у которого и Иван Александрович брал уроки. Рассказы Гризье впоследствии дали повод Александру Дюма написать по поводу меня роман, под заглавием «Mémoires d'un maître d'armes». [Не могу не вспомнить с благодарностью то, что сделал Гризье.] Гризье пришел ко мне с полным желанием и готовностью услужить мне и бывшему его ученику, которого, он, как видно, очень любил, и так любезно предлагал располагать его кошельком, говоря, что знает очень хорошо, как дурно относятся родные к Ивану Александровичу, что, наконец, заставил меня воспользоваться его услугами. Я взяла у него 200 рублей, которые, конечно, поспешила потом возвратить при первой возможности.

с. 100

В конце своей статьи Е отмечает, что, хотя между творчеством Дюма и версией истории, изложенной Полином, существует много расхождений, эти два сочинения имеют общее представление о царе Николе I в позитивном ключе.

Воспоминания о Полине Анненковой прекращаются после 1830 года. Ее целью было исправить образ, который Дюма дал ей в своем романе. Этот образ частично возник в воображении Дюма, но только частично. Как также было сказано выше, некоторые отрывки звучат просто изумительно, и Гризье прекрасно знал Полину.

Дюма помещает свой роман в историческую обстановку, а затем придумывает приключения. Таким образом, эпизод нападения волков является полностью вымышленным (помимо того факта, что Гризье не участвовал в поездке Полины в Сибирь).

Вопреки уверениям Александра Дюма, который в своем романе говорит, что целая стая волков сопровождала меня всю дорогу, я видела во все время моего пути в Сибирь только одного волка, и тог удалился, поджавши хвост, когда ямщики начали кричать и хлопать кнутами. с. 148

Вывод Элизабет Клости Божур очень интересен. Если исследовательница не совсем соответствует той же теоретической оси, что и наша работа, то вывод, который она делает из сравнения работ Дюма с воспоминаниями Полины, такое : персонаж Луизы слишком силен, чтобы Полина могла исправить свой образ в реальном мире. Это пример того, как персонаж из вымышленного мира может влиять на фигуру в реальном мире.

В заключение она также говорит, что Дюма «неисправим¹⁰⁷» в двойном смысле этого слова на английском (или на французском) языке, то есть, во-первых, нельзя исправить, исправить то, что он сделал, – создать воображаемого персонажа, сила которого такова, что он навязывается реальности до такой степени, что ее становится трудно исправить. подтверждая это со стороны реального человека, послужившего ему прототипом, другими словами, нельзя исправить то, что написал Дюма, потому что он стал слишком знаменитым ; и, во-вторых, неисправим в смысле упрямства и упорства в своих недостатках. В качестве доказательства она приводит свой рассказ о встрече с Анненковым, который был ей выгоден¹⁰⁸.

3.2 Проект Декабристов

3.2.1. Генеральное представление проекта Декабристов

Политический проект тех, кого потом называли Декабристами прежде всего был демократическим проектом подуманным передовыми умными людьми. Хорошо известно, что Пушкин был близким этих людей. Они прочитали европейских философов и именно философию Просвещения. У них даже был проект конституции. Они постарались понять, что народу было надо и вообще, что требовала страна. Иными словами это не были безумные

¹⁰⁷ *Incorrigible*

¹⁰⁸

3.2.2 Представление проекта Декабристов через взгляд Ванинкова и Гризье

Представление проекта Декабристов графом Ванинковым, как и его собеседником, рассказчиком Гризье, весьма негативно.

Накануне восстания, когда в городе слухи и уже кажется, что что-то случится, Гризье и Ванинков обсуждают участие графа в заговоре.

– О, – сказал я шепотом, – какое безумие!..

– Вы думаете, что я не знаю так же хорошо, как вы, что это безумие? Что я хоть немного надеюсь на успех? Нет! Я сознательно бросаюсь в пропасть, и даже чудо не может меня спасти. Единственное, что я могу сделать, – это закрыть глаза, чтобы не видеть глубины этой пропасти¹⁰⁹.

Слова, которые они оба используют в своих речах, относятся к лексическим полям безумия (« безумие», "безумство», « мужчины сумасшедшие»), беспомощности («все, что я могу сделать», « не видеть ») и даже полной беспомощности (поскольку « даже чудо не могло помешать [графу] упасть »), падения и глубины (« пропасть », « глубина », « падение»), отчаяния и отсутствия выхода (не « малейшая надежда », « мышеловка »). Это крайняя речь, которая вызывает как небеса (« чудо»), так и преисподнюю (« пропасть »).

Первые предложения графа, когда он упоминает о своем участии в заговоре, отмечены использованием отрицания « не... не», « меньше», « нет», что влияет на общее ощущение предложений создавая читателя в отрицательном чувстве. Пунктуация очень выразительна. На краткие вопросы Гризье, Ванинков отвечает монологами, состоящими из очень многих вопросов или вопросов и ответов, с множеством междометий, которые делают его речь

¹⁰⁹ — Oh ! lui dis-je à" demi-voix, quelle folie !

— Eh! croyez-vous que je ne. sache pas aussi bien que vous que. ce que je fais est insensé?croyez-vousque j'aie la moindre espérance de réussir? Non, je vais droit à un précipice, et, un miracle même ne pourrait m'empêcher d'y tomber ; tout, ce que je puis faire, c'est de fermer les yeux pour ne pas en voir la profondeur.

очень оживленной и мелодраматичной. Можно заметить, что Ванинков, высмеивающий мелодраматический характер клятв заклинателей, сам использует довольно мелодраматический язык. Тем не менее, он не ошибается в том, что находится в центре драматической ситуации.

Он сам не может объяснить его поведение. На « почему... ? » Гризье он отвечает довольно театральной серией « потому что... »¹¹⁰.

Критика Декабристов резка. Это педанты, которые выражаются непонятными « жаргонном », « немного мелодраматично », исповедуют « катехизис в прекрасном переносном языке » и цитируют « Гракха, Брута, Катона », говорят о Цезаре или Нероне. Проект Декабристов преподносится как абсурдный и нелепый. Чтобы охарактеризовать проект и язык Декабристов, Гризье и Ванинков используют лексическое поле насмешки (« свистящий », « насмешливый », « сот »). Граф Алекси показывает абсурдность этого предприятия : дворяне решили бороться, чтобы потерять свои привилегии, установив Республику. И чтобы управлять этой республикой, они выбрали принца ! Заговор описан графом с большой иронией. Таков доминирующий тон его речи – отчаянная ирония. На самом деле принц Турбецкой должен был выполнять функции диктатора только в течение переходного периода, но граф, очень критически относящийся к заговору, не сообщает этой информации¹¹¹. С

¹¹⁰ Эти фразы только в оригинальном тексте на французском языке. Перевод на русском не уважает стил Дюма:

– Но зачем же вы по доброй воле бросаетесь в нее?

– Слишком поздно идти на попятный. Скажут, что я струсил. Я дал слово товарищам и последую за ними... хотя бы на эшафот.

В оригинале (с. 165):

— Mais pourquoi, puisque vous mesurez ainsi le danger, vous y exposez-vous de sang-froid? — Parce qu'il est trop tard maintenant pour retourner en arrière, parce qu'on dirait que j'ai peur, parce que j'ai engagé ma parole à des amis et qu'il faut que je les suive... fût-ce à l'échafaud.

¹¹¹ Le 13 décembre, la veille de l'insurrection, les principaux membres de la Société du Nord se réunirent dans l'appartement de K.F. Ryleev pour décider des actions à mener¹⁵. À cette réunion assistaient le prince S.P. Trubeckoj, choisi comme « dictateur » (*diktator*), c'est-à-dire commandant en chef des opérations, pour le lendemain ; le prince E.P. Obolenskij ; les frères M.A., A . A. et N.A. Bestužev ; A.I. Ākubovič ; P.G. Kahovskij ; G.S. Batenkov ; le baron V.I. Štejngel' ; le comte P.P. Konovnicyn ; le prince D.A. Šepin-Rostovskij ; LL Pušin ; N.P. Repin ; A.N. Sutgof ; A.P. Arbuzov et le prince A.I. Odoevskij. Ces officiers appartenaient au régiment de Moscou, aux bataillons de la marine ou encore au corps des grenadiers. Ils assurèrent K.F. Ryleev de la disposition de leurs soldats, prêts à les suivre au moindre mouvement de rébellion. Cette assurance poussa les décembristes à passer à l'acte, en profitant de la confusion provoquée par la succession au trône. Il fut donc décidé de contester l'avènement de Nicolas Ier, de dénoncer le nouvel empereur comme usurpateur : il n'était pas difficile d'en convaincre les soldats, qui avaient déjà prêté serment à Constantin le 27 novembre. Les régiments seraient donc entraînés aux cris de « Vive Constantin Ier ! ». Toutefois, sous couvert d'une révolution de palais, les décembristes

другой стороны, то, что Дюма знает, когда пишет свой роман, так это то, что Трубецкой не возьмет на себя свою роль, убежит, и в его доме будет найдено множество документов, которые позволят арестовать участников заговора. Таким образом, это был действительно недостойный и, следовательно, очень неудачно выбранный лидер ! Характер графа не обманут, и Дюма решил использовать короткий диалог, чтобы заставить нас почувствовать это :

_ Разве это не правда, что мы выбрали достойного восхищения вождя ?

_ Да, - ответил граф, - он очень хорошего роста.

Наконец, граф в форме шутки также говорит, что заклинание отняло у него все его деньги !

Но участие Ванинкава в этом проекте само по себе абсурдно и нелепо, и ему очень трудно объяснить свое поведение, тем более что он осознает шансы революции на успех, потому что последующее развитие событий даст ему основания: революция потерпит неудачу, ее лидер был трусом, который сбежал и в доме которого нашли список заговорщиков¹¹²!

С психологической точки зрения причины, приведенные графом, не так абсурдны, как кажутся. Фактически, он действительно оказывается в ловушке процесса вовлечения, точно так же, как жертва секты или, в более общем плане, манипулируемый человек. Это механический процесс, хорошо изученный психологами. Чем больше человек был вынужден принимать вещи, идти по какому-то пути, тем труднее ему будет немедленно отказаться от них, даже если он понял, что это ошибка. Это психологический механизм. Каким бы абсурдным ни казался, чувство вины мешает принять единственное разумное решение : отказаться, разъединиться, остановиться. Он сам так говорит: "меня удержал неприятный стыд".

poursuivaient un but radical – renverser l'autocrate pour abolir l'autocratie. Il fallait donc prévoir le régicide : P.G. Kahovskij fut chargé d'assassiner le tsar au cours de la révolte.

GRANDHAYE, Julie. *Chapitre VII. De la plume à l'épée. L'événement inouï de l'acte insurrectionnel* In : *Les décembristes : Une génération républicaine en Russie autocratique* [en ligne]. Paris : Éditions de la Sorbonne, 2012

Таким образом, граф Ванинков не из тех, кто пережил период несчастья и безрассудно вступил в опасное предприятие, которое он решил продолжить, потому что оно было непоследовательным. Это не просто персонаж с меланхолическими или мелодраматическими чертами характера, которые можно было бы считать нереалистичными. Современная психология позволяет интерпретировать абсурдность его реакции в реалистическом смысле. Он смирился со своей потерей, потому что оказался в плену психологического процесса¹¹³: "он считал себя честным преданным", - говорит Гризье. Таким образом, можно считать эту сцену мелодраматической и считать поведение графа нереалистичным, сказав себе, что это чистая выдумка и что ни один здравомыслящий человек не будет вести себя так, как этот персонаж, но мы также можем интерпретировать ее наоборот как сцену удивительного психологического реализма.

3.3. Рассказ бунта декабристов Дюма

Рассказ о восстании декабристов Дюма удивительно подробен. Читая или перечитывая его, можно только подумать об апологии исторического романа, которую делал Стендаль, утверждая, что однажды в школах будут преподавать историю с помощью романов Вальтера Скотта.

Это хорошо видно, например, в начале описания восстания. Объяснив административную ситуацию в стране (великий князь Константин отрекся от престола, а царем станет Николай), рассказчик представляет реакцию народа : он испытывает облегчение. Великий князь Константин уже был представлен читателю. Гризье столкнулся с этим полубезумным персонажем. Таким образом, читатель тем лучше понимает реакцию народа. Точку зрения населения Дюма часто представляет с помощью фигуры стилиа, метонимии. Говоря о смерти Александра, он пишет : "на следующий день Петербург проснулся в трауре. ", После отречения Константина и объявления о

¹¹³ JOULE Robert-Vincent, *Petit traité de manipulation à l'usage des honnêtes gens*, 2014.

приведении Николая к присяге : "Петербург наконец-то вздохнул спокойнее » город, очевидно, относится к его населению.

Здесь Дюма использует метод Скотта : он начинает с разговора об исторических событиях в целом и среди населения ("по городу начали распространяться странные звуки ", "Мы говорили, что...") затем заставляет нас пережить те же самые события через своих персонажей. Восстанию, как и в Капитанской дочке, предшествуют слухи. "Эти слухи дошли до меня...". Нарратор рассказывает о том, что касается его лично. Он говорит о Луизе и графе. В этот момент восстание описывается в их жизнях : страхи Луизы, дискуссия между Гризье и графом, в которой излагается их очень негативная точка зрения на заговор и предстоящую драму. Личная драма смешивается с историческими событиями. Точно так же, как у Вальтера Скотта, герои романа воплощают изменения своего времени.

Это хорошо документированный исторический факт, что декабристы плохо подготовили свое восстание. Например, его написал тогдашний посол Франции в России г-н де ла Ферронне, кстати, кратко упомянутый в романе. Он предупредил Париж уже на следующий день после восстания, чтобы объяснить характер политического замысла Декабристов и последствия, которые могли бы иметь их успех. Это был не просто план государственного переворота, направленный только на захват власти, а попытка революции, направленная на замену одного политического режима (самодержавия) другим (республики).

У нарратора нет снисхождения к этому проекту, который он считает обреченным на провал, и он называет действия Декабристов после объявления о смерти Александра "безумными планами невозможной революции" » Импровизированная сторона их восстания, исторически задокументированная, точно описана Дюма, который объясняет, что "заговорщики надеялись, что простой демонстрации будет достаточно" » и что в случае неудачи "мы будем распространять восстание". И Гризье объясняет более нейтрально

(повествование от третьего лица), что граф Алексис был против этого.

Дюма посвятил целую главу рассказу о самом восстании. Описать бунт — дело нелегкое. Как уже было сказано, во время написания "Капитанской дочки" Пушкин перечитывал произведения Вальтера Скотта. Как уже было сказано, некоторые из основных возможных инструментов для автора включают в себя повествование от третьего лица (всезнающий рассказчик) и диалог. В этом начале главы рассказчик умножает количество слайдов от первого лица до третьего (всеведущий рассказчик) :

я был так обеспокоен, что проснулся (...) и побежал на Сенатскую площадь.

Все было тихо. Однако колдуны не теряли времени даром. (...) Я оставался до одиннадцати ? Не на Сенатской площади, потому что там было слишком холодно (...), а у одного из тех торговцев сладостями, которых называют кондиторами (...)

Я собирался вернуться домой, когда внезапно адъютант перешел на большой галоп (...) только что начавшееся восстание, причем с такой силой, что мы не могли знать, где оно остановится

Помимо изменений, связанных с повествованием, следует отметить стремление к реализму, которое живет здесь, когда Дюма упоминает своего персонажа о реальности холода. Мало того, что эта крошечная деталь еще больше повышает реалистичность повествования, ее можно связать с историческим фактом. Действительно, среди ошибок, допущенных декабристами, было то, что они оставили солдат без каких - либо указаний ждать четыре часа на морозе. Также можно заметить интерес к местному цвету с намеком на "кондиторы" и описанием местоположения. Внимание к деталям в значительной степени способствует историческому и географическому реализму текста.

Описание восстания впечатляет точностью. Помимо воспоминаний Гризье, у Дюма была обширная документация, на которую можно было

положиться. Восстание стало предметом многочисленных статей в газетах¹¹⁴, а затем и суда над декабристами. Дюма рассказывает об этом очень точно, почти поминутно, называя разных командиров, указывая улицы и т. д. Чтение этих страниц не может не напомнить о размышлениях Стендаля о месте исторического романа в преподавании истории и в более общем плане о роли исторического романа в истории. Доминирует повествование в единственном числе от третьего лица (всезнающий рассказчик), что придает еще большую силу диалогам и высказываниям солдат различными вождями, особенно Николасом.

Упоминаются имена главных руководителей восстания, а также их роль. Все эти персонажи вполне реальны. С точки зрения классификации т. Парсонса, это чистые мигранты. Ни одна мысль не приходит им в голову. Дюма не заставляет их говорить, не представляет, что они чувствуют. Их единственная функция заключается только в укреплении исторической правды повествования.

Чтобы заручиться поддержкой армии, декабристы планировали обмануть ее, сказав, что Николай узурпировал власть и что законным императором является Константин. Дюма изображает принца Цепина лживым солдатам 2-й 3-й 5-й и 6-й рот, верных Константину, а затем захватывает из взвода гренадеров и с криками " Да здравствует Константин ! Долой Николая!". Точно так же он изображает младшего лейтенанта Коженикова, который распространяет ту же ложь. Также впечатляет сцена, когда император назначил своего сына своим наследником и отправился один на лошади среди мятежных солдат. Описана также попытка умиротворения митрополита. Если мы сопоставим эти сцены с историческими материалами, то увидим, что

¹¹⁴ En France, la plupart des journaux, quelles que soient leurs orientations, font état de l'insurrection de décembre 1825. La presse périodique française des années 1815-1830 est extrêmement riche de tendances politiques, qui proposent autant d'éclairages divers sur les événements internationaux. Si le *Moniteur universel* joue le rôle d'un journal officiel, de nombreux autres périodiques ne cachent pas leurs couleurs politiques. Ainsi, *La Quotidienne* journal royaliste puis ultraroyaliste, condamne fermement dans ses colonnes l'insurrection de décembre 1825 et défend le procès mené par Nicolas Ier. Le *Journal des débats* de tendance royaliste mais pas absolutiste, évolue progressivement vers une opposition libérale, ce qui explique son interprétation plus complexe de l'insurrection de décembre 1825. Les organes de presse interprétèrent les événements survenus en Russie en décembre 1825 à la lumière de leurs convictions politiques.

Дюма скрупулезно ее соблюдал. Его повествование оживляет засушливые хронологии фактов.

Во всей монархической Европе прекрасно воспринимается опасность русской революции. Французская монархическая газета особенно освещает эту предварительную публикацию, о чем также свидетельствует отчет, который г-н де ла Ферронне направил затем в Париж. Вот почему необходимо было минимизировать реальное политическое значение этого. Так поступил мудро царь Николай¹¹⁵. Он умел и наказывать Декабристов, и проявлять милосердие. Этот образ милосердия встречается у Дюма, как и у Полины Анненковой. Тем не менее декабристы были наказаны, а некоторые повешены. То, что до сих пор подробно описывает Дюма в "оружейном мастере", снова используя шотландскую технику воплощения истории в жизни своих персонажей. Читатель разделяет тревогу Луизы по поводу судьбы ее любимого человека и беспокойство Гризье по поводу ее защитника и друга. При этом автор заставляет своего читателя переживать исторические события, придавая им гораздо больше силы.

¹¹⁵ Instrument politique, le procès des décembristes devait jouer un rôle de premier plan dans la politique extérieure et dans la politique intérieure : toutes les interventions de l'Empereur dans ce procès plaident en faveur d'une telle interprétation.(...) Les peines établies sont sciemment aggravées pour souligner par contraste la grâce impériale. Et Nicolas Ier use effectivement de sa clémence, à plusieurs reprises : il accorde son pardon à M.F. Orlov, sur demande expresse de son frère ; il gracie les condamnés du premier degré, et commue la peine de mort par pendaison en exil à vie en Sibérie. Enfin, il demande à ce que les condamnés à mort « hors catégorie » ne soient pas soumis à une mort infamante avec effusion de sang. En réalité, l'exercice de la justice selon Nicolas Ier est à l'image de son pouvoir : il est absolu. La justice n'est que l'expression de la volonté despotique de l'autocrate.

GRANDHAYE, Julie. *Chapitre VII. De la plume à l'épée. L'événement inouï de l'acte insurrectionnel* In : *Les décembristes : Une génération républicaine en Russie autocratique* [en ligne]. Paris : Éditions de la Sorbonne, 2012

Вывод

Как следует из названия, исторический роман имеет отношения к истории. Основанный Вальтером Скоттом, исторический роман рассказывает о приключениях персонажей, оказавшихся в водовороте исторических событий, часто характерных для политического или общественного поворота. Таким образом, гражданские войны, смутное время, бунт... являются частью обычных пейзажей, обычным фоном исторических романов. Они составляют привилегированную обстановку приключений персонажей. Таким образом, тема бунта не является удивительной темой в историческом романе. Это почти наоборот одна из его составных черт.

Исторический роман - это способ рассказать о бунте или войне, как это было раньше в эпосе или хрониках. Так возникает вопрос : как исторический роман рассказывает о восстании ?

В отличие от историка, писатель-романист привлекает своего читателя, который будет сопереживать эмоциям персонажей и в то же время будет переживать их приключения вместе с ними, как если бы он был спроецирован в их мир и там жить. Это придает историческому роману силу, которой нет или нет в простом научном историческом документе : ощущение жизни в другом мире.

Из этого вывода вытекает наш выбор исследовать бунт в историческом романе под углом зрения литературной теории возможных миров. Таким образом, в этой связи возникает вопрос: как писателю удастся создать мир, к которому читатель присоединяется, чтобы рассказать о бунте ? Более конкретно, как писателю удастся создать мир, смешивая реальные исторические элементы с вымышленными, в частности, с помощью композиции своих персонажей ?

Мы видели, что Пушкин и Дюма добиваются этого двумя способами :

соблюдая историческую справедливость и с помощью образов главных персонажей. Забота об исторической правде особенно заметна у Пушкина, поскольку он даже зашел так далеко, что стал историком, написав "Историю Пугачева". Что касается Дюма, для того, чтобы рассказать восстание декабристов, он использовал свидетельство своего друга Гризье и доступную и особенно богатую историческую документацию (газетные статьи, протоколы суда над декабристами...). Также видна надежность его исторических знаний.

Разница между Пушкиным и Дюма заключается в использовании этих знаний в романе. В то время как Пушкин рассказывает лишь самое основное в «Капитанской дочке», предпочитая простой чистый стиль и даже заходит так далеко, что использует эллипс, чтобы упомянуть осаду Оренбурга, предпочитая сосредотачивать свое повествование на приключениях самих персонажей, Дюма стремится к полноте. Когда он рассказывает о бунте, подробно описывая движение полков по улицам, читатель может проследить за ними по плану или мысленно представить их себе, если он знает Санкт-Петербург настолько точно, насколько это повествование точно.

Стили очень разные, но у авторов общая забота о реальных исторических деталях и оба они опираются на солидную историческую документацию.

В создании литературного мира значительную роль играют персонажи. В случае двух изученных исторических романов события рассматриваются глазами персонажей. Будь то в романе Дюма или в романе Пушкина, использование диалога в избранные моменты делает сцены еще более живыми, увеличивая тем самым приверженность читателя повествованию. С точки зрения теории возможных миров и классификации Теренса Парсонса, главных героев наших романов можно назвать *местными* персонажами или *субститутами*. В нем также представлена замечательная галерея *мигрантов*, особенно когда Дюма рассказывает именно о восстании декабристов. В нем действительно названы все лидеры, подробно описаны их соответствующие роли и т. д. С другой стороны, описание Пугачевского окружения Пушкиным, несомненно, вдохновлено реальными персонажами, но все персонажи являются

местными, что не делает их менее реалистичными, учитывая исторические знания его настоящего окружения, которые Пушкин получил в ходе своего исследования.

У историков-романистов интерес к исторической правде или реализму неодинаков, когда речь идет о людях, варьируется. Так, например, Стендаль упрекнул Вальтера Скотта в недостатке психологической глубины его персонажей и их застывшем характере. Действительно, у персонажей Вальтера Скотта есть психология и ценности, которые относятся к эпохе самого Скотта, а не к эпохе, в которую они должны жить. Это не относится к персонажам "Капитанской дочки". Мы видели, что были высказаны две гипотезы относительно генезиса рассказчика этого романа Гринева. Эти две гипотезы представлены Макогоненко как взаимоисключающие. Создание персонажа Гринева связано с заботой об исторической достоверности для одних, с необходимостью избежать цензуры для других. Мы не уверены, что эти две гипотезы обязательно должны исключать друг друга. В любом случае, предположение о том, что Пушкин, узнав, что оба лагеря - лагерь аристократов и лагерь мятежников - непримиримы, решил сделать Гринева молодым дворянином, верным своему происхождению, по причине исторической вероятности убедил нас. Герой, как в романах Скотта, на мгновение оказывается в противоположном лагере, вопреки своему желанию но все еще остается верным своему. Что касается романа Дюма, то можно было убедиться, что рассказчик был очень вдохновлен реальным персонажем : Гризье, которому Дюма придает качества своих будущих героев-типов. Граф Алексей-меланхолический персонаж, очень критичный по отношению к декабристам. Подробное изучение характера Луизы и ее сравнение с графиней Анненковой, которая послужила ей прототипом, показали нам, что, по ее мнению, Дюма не соблюдал историческую правду о ней в своем романе. Разве это мешает нам быть спроецированными в Россию 1824-1825 годов и с удовольствием читать роман, жить какое - то время в этом мире ? Никак. Учитывая критику, высказанную графиней, кажется очевидным, что этот

персонаж является суррогатом. Но отнимает ли это что-то у Романа ? нет. Напротив, романтический персонаж эмигрантской гризетки, столкнувшийся с многочисленными испытаниями, чтобы найти мужчину, которого она любит, после провала восстания декабристов, привлекает симпатию и сочувствие читателя, независимо от того, насколько он вымышлен.

Оба автора составили мир, состоящий из реальных и вымышленных фактов, благодаря которым они позволяют читателю жить в другой эпохе, в другом мире.

В конце концов, классификацию Парсонса не следует неправильно понимать. Это инструмент анализа, который является простым для понимания (в то время как его концептуальные основы, не детализированные здесь, наоборот, очень сложны) и очень эффективным, но анализ, который он позволяет использовать для создания персонажей в произведении, в основном не является самоцелью. Целью этой классификации остается доказательство онтологического существования изобретенных объектов, населяющих литературные миры, философски понимаемые как возможные миры. В этом смысле существование персонажа Луизы, например, настолько сильно, что этот персонаж, так сказать, вышел из своего мира, чтобы вмешаться в реальный мир, вызвав реакцию недовольства со стороны Графини, которая служила ей образцом для подражания и подражала ей. Это, конечно, не единственный пример, подтверждающий идею существования несуществующего персонажа (романа), однако нам кажется, что он довольно значителен и силен.

Так, можно сделать вывод, что внутри мира, созданного каждым из этих романов, само восстание может быть испытано читателем через посредство персонажей, эмоции которых он испытывает : страх, ужас, но также и надежду.

Используя их знание о том, что было, Пушкин и Дюма не только рассказывают нам *что* было но позволяют нас отправиться в мир где можно еще чувствовать *как* было. Таким образом, исторический романист выполняет и

задачу историка и задачу поэта, определенную Белинским следующим образом:
«Задача историка - сказать, *что* было: задача поэта - показать, *как* было <...> и потому, если наука оказывает поэзии услуги, сказывая ей о том, *что* было, то и поэзия, в свою очередь, расширяет пределы науки, показывая *как* было».

Библиография

ПУШКИН Александр Сергеевич, «Капитанская дочка», научное издание романа в серии «Литературные памятники» в 1964 г., 317с.

DUMAS Alexandre, *Le maître d'armes*, ed Dumont, Paris, 1840.

<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6149146p.texteImage>

ПУШКИН Александр Сергеевич, «История Пугачёва», по: Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. — Л.: Наука, 1978. — Т. 8. Автобиографическая и историческая проза; История Пугачева; Записки Морозе Бразе. — С. 107—254.

Петров С. М. Исторический роман А. С. Пушкина. М., Изд-во АН СССР, 1953. 159 с.

С. 107—133: «Капитанская дочка».

Статьи

Макогоненко Г. П. Исторический роман о народной войне // Пушкин А. С. Капитанская дочка. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. — С. 200—232. — (Лит. памятники).

"Капитанская дочка" в критике и литературоведении // Пушкин А. С. Капитанская дочка. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. — С. 233—280.

Якубович Д. П. «Капитанская дочка» и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 165—197

Лотман Ю. Идеиная структура «Капитанской дочки». — Пушкинский сборник. Псковский гос. пед. ин-т, 1962, с. 3—20.

Александров В. Пугачев (Народность и реализм Пушкина). — В кн.: Александров В. Люди и книги Сб. статей. М., Ё«Сов. писатель», 1956, с. 5—39 (первоначально: «Литературный критик», 1937, № 1, с. 17—45).

Томас ПАВЕЛ , « Вымышленные миры» , Гарвард, 1986, издательство Гарвардского университета (французский перевод, « Univers de la fiction» , Париж, 1988, изд. Du Seuil, колл. Poétique).

Оригинал: PAVEL Thomas, Univers de la fiction, Éditions du Seuil pour la traduction française, Paris, 1988, 211 p.

Теренс ПАРСОНС, Несуществующие объекты, издательство Йельского университета, 1980.

Оригинал: PARSONS Terence, *Nonexistent Objects*, New Haven and London: Yale University Press, 1980. Pp. 258.

Alexandre Dumas, « En Russie – Impressions de voyage », Éditions François Bourin, Paris, 1989. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k27252v/f32.double>

Claude Schopp, « Alexandre Dumas, Le Génie de la vie », Paris, Fayard, 1997, 622 p.

Claude Schopp, «DUMAS Alexandre (1802-1870) », article de l'Encyclopédie Universalis.

<https://www.universalis.fr/encyclopedie/alexandre-dumas/10-theatre-histoire-roman/>

Karl Akiki. La Recette du roman populaire, façon Alexandre Dumas. Sciences de l'Homme et Société. Sorbonne Nouvelle - Paris 3, 2013.

Elizabeth Klosty Beaujour, « Dumas's Decembrists: *Le Maître d'armes* and the

Memoirs of Pauline Annenkova », *The Russian Review*, Jan. 2000, Vol. 59, No. 1 (Jan. 2000), pp. 38-51.

André Pierre, « Le voyage de Dumas père en Russie », in *La revue des deux mondes*,

La Russie romancée d'Alexandre Dumas - Invitation au voyage (25/11/2021)

<https://www.arte.tv/fr/videos/106675-001-A/la-russie-romancee-d-alexandre-dumas/>

СКОТТ	ПУШКИН	ДЮМА
<p>Любезный друг! Ты обратился ко мне с просьбой посвятить тебе несколько досужих часов, которыми провидению угодно было благословить закат моей жизни и рассказать случайности и невзгоды дней моей юности (in registering the hazards and difficulties...) <....></p> <p>Не могу сомневаться в правдивости высказанного тобой мнения, что люди, с любовью слушающие рассказы стариков про былое найдут нечто привлекательное в повествовании о моих приключениях <....></p> <p>Ты с любовью прислушивался к голосу дорогого тебе человека, когда он сам рассказывал о своих приключениях <....> Когда моя рукопись дойдет до тебя, схорони ее <....></p> <p>ты найдешь в (моих) записках источник грустных и поучительных размышлений <....></p> <p>Вручаю тебе рассказ о моей жизни. Из него ты узнаешь мои дурные и хорошие поступки, мои чувства и мысли. Надеюсь, ты отнесешься к ошибкам и увлечениям моей молодости с той же доброй снисходительностью, с какой смотрел на мои заблуждения (the faults) в более зрелом возрасте. Посвящение моих мемуаров (какое важное название для такого скромного труда!)...</p>	<p>Любезный внук мой, Петруша! Часто рассказывал я тебе некоторые происшествия моей жизни и замечал, что ты всегда слушал меня со вниманием, несмотря на то, что случалось мне может в сотой раз пересказывать одно <...></p> <p>Начинаю для тебя свои записки, или лучше искреннюю исповедь, с полным уверением, что признания послужат к пользе твоей. Ты знаешь, что, несмотря на твои проказы, я всё полагаю, что в тебе прок будет, и главным тому доказательством почитаю сходство твоей молодости с моею <....></p> <p>Ты увидишь, что завлеченный пылкостью моих страстей во многие заблуждения, находясь несколько раз в самых затруднительных обстоятельствах, я выплыл, наконец и, слава богу, дожил до старости <и т. д.>.</p>	<p>(...) vous m'avez raconté cinquante fois votre voyage en Russie. – Tiens, au fait ! – Vers quelle époque y étiez-vous ? – Pendant 1824, 1825, 1826. – Justement pendant les années les plus intéressantes : la fin du règne de l'empereur Alexandre et l'avènement au trône de l'empereur Nicolas. – J'ai vu enterrer l'un et couronner l'autre. Eh mais ! attendez donc !..</p> <p>(...)</p> <p>Il alla à une armoire et en tira une énorme liasse de papiers. – Tenez, voilà votre affaire. – Un manuscrit, Dieu me pardonne ! – Les notes d'un de mes confrères qui était à Saint-Petersbourg en même temps que moi, qui a vu tout ce que j'ai vu, et en qui vous pouvez avoir la même confiance qu'en moi-même.</p> <p>À propos, il manque une chose à votre manuscrit. – Laquelle ? – Un titre. – Comment, il faut que je vous donne aussi le titre ? – Puisque vous y êtes, mon cher, ne faites pas les choses à moitié. – Vous avez mal regardé, il y en a un. – Où cela ? – Sur cette page ; voyez : Le Maître d'armes. – Eh bien ! alors, puisqu'il y est, nous le laisserons. – Ainsi donc ? – Adopté. Grâce à ce préambule, le public voudra bien se tenir pour averti que rien de ce qu'il va lire n'est de moi, pas même le titre. D'ailleurs, c'est l'ami de Grisier qui parle.</p>